

Елена Николаева

Мой

НЕИДЕАЛЬНЫЙ
МУЖЧИНА

Взрывная смесь

Елена Николаева

Мой неидеальный мужчина

«Елена Николаева»

2020

Николаева Е.

Мой неидеальный мужчина / Е. Николаева — «Елена Николаева», 2020 — (Взрывная смесь)

Она настаивала дать ей время. Я дал, загоняя себя в угол, словно раненый зверь. Стонал от боли в груди, от бессилия что-то сделать и повлиять на ход событий, ждал, изредка врываясь в её жизнь. В эти мгновения я дышал, с ней становился прежним. Живым. Настоящим. Пока её свобода не вышла из-под контроля. Пришло время всё изменить... Предыстория в романе «Неадекватная няня».

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Елена Николаева

Мой неидеальный мужчина

Пролог

Дмитрий

Сколько нужно времени для того, чтобы залечить отравленные участью раны? Чтобы забыть, или хотя бы на какое-то время вырвать из головы удивительный кусок жизни с любимой женщиной. Он пульсирует в висках назойливой болью и слишком острыми и мучительными воспоминаниями.

Пустота повсюду. Как бы я не старался заполнить её, в итоге всё возвращается на круги своя. Успешный и выгодный бизнес не спасает. Засасывает глубже в какую-то тёмную дыру. Тошно. Одиноко. Настолько, что начинаешь винить себя во всём. Несмотря на жаркое лето, где-то на подсознательном уровне ощущается сплошная серость и невидимый промозглый туман.

После всего произошедшего июль тянется для меня слишком долго. Мучительно долго. Уходя, Анастасия оставила после себя оглушающую звенящую тишину. Подушки сводят с ума. Её запах вьелся в них так глубоко, что не даёт отключаться по ночам. Мучительные мысли рвут моё спокойствие на части. От этого отчаяние ещё глубже пробирается в мозг, отравляя его с каждой прожитой без неё секундой...

Она настаивала дать ей время. Я дал, загоняя себя в угол, словно раненый зверь. Стонал от боли в груди, от бессилия что-то сделать и повлиять на ход событий, и ждал, изредка врываясь в её жизнь. В эти мгновения я дышал. Без неё задыхался, а с ней становился прежним. Живым. Настоящим. Пока её свобода не вышла из-под контроля. Пришло время всё изменить...

– Здравствуй, Ворон! – Денис подсаживается ко мне в машину, небрежно захлопывая дверцу моего автомобиля.

– Распечатки генетической экспертизы принёс? – осматриваю через лобовое стекло здание ресторана, где Павел Серов, хозяин автосалона и по совместительству мой приятель, у которого совсем недавно я купил себе вторую новую тачку, празднует бракосочетание с моей любимой женщиной.

Блять! Не могу смириться с нашим расставанием. Своим уходом, будто всю душу выжгла дотла. Не желаю её отпускать, не желаю отдавать другому, хоть убей. Пусть обвиняет во всех смертных грехах, только не отталкивает меня.

– Вот, – товарищ протягивает мне тонкую папку. – Держи, Дим. Авункулярный тест между тётей и племянником готов.

Беру материалы. Открываю, ощущая как во мне кипит ураган хреновых эмоций. Стоит чиркнуть спичкой и они рванут, мало не покажется.

– Лютый, – изучаю данные, – я тебя зачислю в ряды святых.

– Это заслуга Машеньки, – хмыкает друг, явно довольный собой и своими способностями уговаривать.

– Вижу, ты был достаточно убедителен, раз она не смогла отказать. Девушка осталась довольной? Сумма её устроила? – поднимаю вопросительный взгляд и тут же принимаюсь читать дальше содержимое файлов.

– Вполне.

Глаза цепляются за графу:

«Беляева Анастасия Петровна и Воронцов Александр Дмитриевич являются родственниками второй степени биологического родства с вероятностью в 81,99 %...»

– Значит... – цежу сквозь стиснутые зубы, крепко сжимая документы в руках. – И вправду решилась на выгодное замужество, чтобы отсудить у меня сына. Ловко... – скрип собственных зубов заставляет поморщиться от неприятных ощущений. – Этот сукин сын её не получит, Богом клянусь!

Оборачиваюсь назад. Несколько секунд пялюсь на битую, ту самую, которая мне досталась за слишком кругленькую сумму после Асиного покушения на мой любимый необъезженный «Мерс».

Лютый тотчас оценивает ситуацию:

– Димыч, может пощадишь хотя бы его тачку? Дох*я ж бабла стоит. Ручная сборка. Таких всего пару штук с конвейера сошло. Тебе не хватит его наглой морды?

– И не подумаю, – растягиваю губы в злорадной улыбке. – Павлу страховка покрывает моральный вред и не только. Ася моя женщина! Пора этому ничтожеству руки обломать, да мозги вправить. Камеры по периметру вырубай нахрен, и можешь быть свободен. Я долго не задержусь. Только поздороваюсь...

Глава 1

Лиса в курятнике

Алина

События, происходящие параллельно в день аварии.

Находиться в доме бывшего мужчины под прицелом гневных взглядов его обитателей – то ещё удовольствие мазохизма. Зачем я только согласилась? Подчинилась его воле? Бред, Аля! Ты же старалась держаться от него подальше. Всегда. Что произошло? Что изменило твои установки? Нужно было уехать. Напомнить ему с помощью адвоката, у кого права на Илью. Забрать ребёнка другим путём. Боже! Как же я влипла. Снова... Глядя на нашего мальчика, боюсь разбудить в себе закаменелые чувства в сердце. Не хочу этого. И чем больше не хочу, тем сильнее меня давит эта неизбежность. Расстояние всегда спасало нас обоих. Так легче заглушить огонь в душе. Оставить частично её живой.

– Мам, ты будешь лядом? – Илья не выпускает из рук край футболки, в которую я только что переоделась. После дороги лучший способ привести себя в чувства и снять усталость – это принять тёплый душ и выпить горячий травяной чай.

– Спи, родной. Мама больше без тебя никуда не уедет, – слёзы наполняют глаза, размывая его милое ангельское личико. – Я очень тебя люблю.

Прижимаю сына к груди, укрывая простыней. Целую душистую макушку. Пахнет так сладко, до умопомрачения. Втягиваю его аромат, прикрывая в испуге глаза. Чувствую, как внутри щекочет щемящее чувство. Слёзы не удержать, скатываются по щекам. Обжигают.

– Больше никому не отдам. Никогда, – едва слышно шепчу у его виска, стираю пальцем упавшую каплю.

– А мне кусочек толтика оставят? – бормочет, проваливаясь в дневной сон на мягком ортопедическом матрасе. Дима достойно позаботился о детях. Шикарная детская комната. Уютная. Ничего лишнего. Даже детские кровати в виде машин купил. Изобилие игрушек и одежды в шкафу. Всё это радует глаз, греет душу.

Илья быстро засыпает. Расслабляет кулачки, выпуская меня из плена. Решаю спуститься вниз. Не люблю прятаться, как последняя трусиха. Ну надо же. Никогда бы не подумала, что однажды придётся жить под одной крышей с его невестой. В конце концов это не моё личное решение. И раз уж обстоятельства нас собрали в одном месте, придётся и это пережить достойно и с гордо поднятой головой принять недовольства, особенно от Кати, если, конечно, она ещё не уехала. После побега Анастасии собиралась поспешно покинуть дом. Сухо приняв мою благодарность, переживала за что-то, ждала звонка от Кирилла. Из-за Марины (его родной сестры) о нём сейчас меньше всего хочу вспоминать, и о том, как глупо всё повернулось против меня.

Волнуюсь, новостей от Димы все нет и нет. Больше часа прошло, а сердце тревожно стучит. Всё никак не успокоится. Странная реакция его девушки для меня до сих пор не понятна. Чтобы так не доверять человеку, за которого собралась замуж? Поцелуй – это же не конец света, да и Димка его оборвал. Если бы я только знала... Черррт!

– Отпустите меня, тётя! Баб... – визг мальчика стих, как только я прикрыла дверь в детскую и сделала шаг к лестнице. Его отчаяние отозвалось ползучим холодом по позвоночнику. Что это? Почему Саша, приёмный сын Дмитрия, в ужасе прокричал и спонтанно умолк на полуслове?

– Наконец-то я до тебя добралась, щенок, – раздался негромкий, знакомый голос. Он явно принадлежал второй, той, что представила себя Анжеликой, детским врачом-массажи-

стом. Девушка настойчиво пыталась угостить меня и Илюху сладостями, но, глядя на сонного и пострадавшего от падения ребёнка, я предпочла уложить сперва его в постель.

Шок настигает меня мгновенно, как только мои глаза устремляются в сторону возни. Высыпав содержимое чемодана на пол, она упаковывает в него недвижимого мальчишку, как какую-то nepотребную плюшевую игрушку, без малейших сомнений и терзаний совестью, резво захлопывает крышку.

«Господи!» – на ум приходит лишь одно объяснение этому дикому произволу – похищение. И где охрана? Что она с ними сделала, пока я находилась всё это время с Ильей?

«А мой сын?» – в сердце врезается острая игла. Не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть. А если эта сумасшедшая вооружена? Что же делать? Как их защитить? Хоть бы не проснулся Илюша. Хоть бы второй не задохнулся. Давай, Алин, шевели мозгами. Нужно что-то предпринять! Твою ж мать! Да что же это?!!

* * *

Воровка хватается за ручку чемодана, дёргает его резко в сторону двери. Я зажимаю рот ладонью, чтобы не закричать от отчаяния. Нельзя! Не сейчас! И только хочу сделать шаг к первой ступени лестницы, как она останавливает мой порыв, замирая на месте и вглядываясь куда-то в сторону кабинета. Решила напоследок проверить зачатки Дмитрия? Деньги? Ценности? Что будет искать? В маленькой женской сумочке, переброшенной через плечо, оживает мобильник. Достает и тотчас отвечает на звонок.

– Да, Антон! Что у тебя? – направляется в кабинет быстрым шагом. Решаю воспользоваться моментом и проскользнуть незамеченной в комнату охраны. Минуты две-три у меня должно быть в запасе, чтобы бесшумно спуститься и найти угрюмого Скорпиона, так его называет мой сын.

– Так это же отличная новость! Вот же старый козёл! Прятал всё-таки на даче, – доносится из приоткрытого кабинета. Снимаю обувь и, едва дыша, спускаюсь вниз. – Тогда планы меняются. Свяжись с нужными людьми, скажи: есть ребёнок у меня на продажу. Привезу его после того, как на счёт переведут оговоренную сумму. Как раз кстати. Заплачу Адаму за новое лицо. Всё делаем быстро. Я улетаю через пару часов. Мне больше нельзя оставаться в стране. Ты летишь следом, как только «сплывишь» в нужные руки дедово наследство. Ты их грохнул? – короткая пауза. – Надеюсь, домой они больше не вернуться. Встретимся на штаб-квартире. Всё. Пока.

Сердце бешено стучит. Во рту сухо. Лёгкое головокружение. Проскальзываю незаметно мимо двери и мчусь к охраннику с одной пульсирующей мыслью в голове – неужели погибли? Оба? Господи, Аля, соберись! Ты же не из рая вернулась, раз пришлось освоить спортивную и боевую стрельбу. Черрт! Дети! Мальчики! Вот, что сейчас тебя должно волновать! Господи, помоги!

Вспотевшей ладонью открываю дверь. Парализованная ужасом, замираю на месте. Он дышит? Живой? Грохот переворачиваемых ящиков стола приводит меня в чувство, а тело – в движение. Вхожу в комнату, прикрывая за собой дверь. Тонкой щели достаточно, чтобы оценить ситуацию по ту сторону. Парень с разбитой головой лежит лицом вниз. Рана на затылке свежая, ещё кровоточит. Прощупываю пульс. Есть! Слабый, но есть! В небольшой луже пролитого кофе замечаю осколки от чашки. Ступаю осторожно, чтобы не порезать подошвы, взглядом ищу средства защиты, любые.

«Разбить чашку с кофе – к успеху, но перед тем, как он наступит, придётся преодолеть немало трудностей...» – почему-то эта народная примета приходит на ум. В этот момент меня озаряет. Пистолет! Он должен быть в кобуре, ремни которой опоясывают стан мужчины. Страх за жизнь своего ребёнка и того, что нуждается в помощи, открывает второе дыхание. Адрена-

лин резким толчком бьет в голову, заставляет отбросить панику и сосредоточиться на важном. Руки сами ищут и находят то, что им нужно, проверяют пистолет. Магазин полон. Вставляю на место обойму. Снимаю с предохранителя. Торопливый стук каблуков по мрамору привлекает моё внимание.

«Твёрдой рукой, Алин! Твёрдой рукой! Даже если придётся стрелять на поражение...»

* * *

Тревога за то, что могу не успеть, набирает силу, и вскоре даёт о себе знать гулкими ударами сердца в ушах. Подхожу к двери. Медленно открываю её, улавливая за спиной тихий стон охранника. Уже легче. Чувствую себя не одинокой в этом кошмаре. Выбирать удобную позицию для стрельбы времени нет. Позволяю инстинктам руководить собой. Убить человека непросто, даже тогда, когда из-за него твоя собственная жизнь висит на волоске от смерти, но когда речь заходит о любимом ребёнке, то выбор сужается до единственного решения – уничтожить любого, кто посягнёт на дарованное Богом, родное чадо. «Безопасность сына» – вот что умирляет шум в голове, высушивает на теле холодный пот, восстанавливает ровное дыхание и концентрацию внимания. Руки послушно наводят прицел. Не задумываясь, ловлю на мушку спину ускользающей женщины в проёме входной двери. Набрав воздух в лёгкие, останавливаю её резким голосом:

– Ещё шаг, и я выстрелю тебе в спину, гадина! – палец взводит курок с предостерегающим треском. Она замирает на пороге, не оборачиваясь. Прислушивается к моим словам. – Положи чемодан и открой крышку! Немедленно! Мальчик задохнётся, идиотка!

– Не лезь не в своё дело, Алина. Зачем тебе лишние проблемы? Лучше вернись к своему сыну, а этот мой, и он отправится со мной. Я родила Сашу и вправе сама решать его судьбу, – спокойным тоном произносит. – Убери пистолет и дай мне уйти.

– Повторять дважды не буду! – рявкаю. – Предупреждающий в бедро. Следом вызову ментов, поняла?

– Неужели отважишься выстрелить мне в спину? М? – с её губ слетает неприятный, тихий смешок, заставляет поёжиться. – Ты же умная женщина, Алин. Камеры видеонаблюдения повреждены. Доказательств в твою пользу не будет. Ты с лёгкостью подпишешь себе приговор. У таких недостойных матерей, как мы, проще всего отнять ребёнка. Думаешь, Воронцовы отдадут тебе сына? Им нужен козырь. Ты вручаешь его на блюдечке с золотой каёмочкой прямо в руки полковника. Мать-убийцу не допустят к мальчику, только не Матвей. Этот добавит ещё тысячу причин, чтобы упрятать тебя за решётку на пожизненное. Почему бы тебе не забрать Илью и не уехать с ним прямо сейчас? Препятствий нет. Ты же хотела свалить заграницу, или передумала? Вспыхнули прежние чувства к бывшему?

Знает, чем взять за живое, сука! И, ведь, права, как никогда. Перспективы ситуация рисует не радужные, но отступать поздно. Брать на душу смерть невинного маленького мальчика совсем не хочется, как и лишать жизни эту тварь. Подписка о невыезде поставит крест на моих планах. Во мне поднимается волна ярости. Растёт. Затапливает всю изнутри. Я не рассчитывала на такой уикенд. Мне сполна хватило проблем в Америке, а тут новый виток не распутанного дерьма.

– Лучше заткнись! – делаю твёрдый шаг в её сторону, резко вдыхая порцию воздуха. Руки затекли. Нервы, как натянутые струны, звенят. – Открывай чемодан, дрянь! Иначе я грохну тебя без малейшего сожаления и плевать я хотела на последствия. За Ворона отомщу – рука не дрогнет!

– Боже, какие страсти, – произносит елеиным голосом, поворачиваясь ко мне вполоборота. Лицо украшает ехидная ухмылка. – Какие идиотские треугольники. Да он давно плевал на тебя, милая. Моя сестрица, сучка, охомутила его, как в своё время её мамаша моего отца. В

итоге погибли все, надеюсь, и Аська, дрянь такая, получила своё сполна! Слишком много для неё счастья. Пришла сразу на всё готовенькое. Несправедливо.

– Чемодан!!! – взрываюсь на крик, не выдерживая затянувшейся болтовни.

– Ладно-ладно, – нагибаясь, опускает ящик, но не открывает и не отходит от него. Выравнивается. Внимательно слежу за её руками, повисшими на уровне дамской сумочки. В эту секунду сверху раздаётся сонный голос Ильи, ввергая меня в состояние беспомощности, а следом в ледяное оцепенение.

– Мам, Аля! – в панике кричит сын. – Ты где? Мам, Аля! – начинает спускаться вниз.

Отвлекаюсь всего на секунду. Этого хватает, чтобы поменяться с ней ролями. Господи! Меня трясёт. Едва соображаю, прокручивая в голове бешеный поток мыслей.

– Умница, малыш. Иди к своей мамочке, – произносит с выразительным оттенком яда в голосе, наводя пистолет на Илью. – Ну что, Аля? Передумала? Я всегда знала, что дети – наша уязвимость. Это камень на шее, который тянет на дно, когда тебе так нужна свобода...

* * *

– Мам! – Илья на скорости врывается в меня, я тут же опускаюсь на колени, всё также наводя пистолет на злобную тварь и обнимая сына за хрупкую спинку. Он ютится у меня под мышкой, и, задирая любопытный носик вверх, тихонько и удивлённо спрашивает:

– Вы с тётёй Ликойиглаете в войнушки?

Господи! Хочу взвыть. Маленькому невдомек, что это всё взаправду.

– Да, милый, это всё не по-настоящему, – приложив усилия, глотаю нервный комок, стараясь не выдать свою чёртову панику. – Это такая игра. Понимаешь? – осознавая всю плачевность ситуации, словно в бреду, повторяю ему раз за разом одно и то же, пытаюсь запудрить болтовнёй детскую головку и отвлечь от жестокой реальности. – Игра, мой малыш. Игра...

– Пистолет опусти на пол и швырни ко мне. Быстро! – командует сумасшедшая. – Позаботься, чтобы не выстрелил.

Каждый удар моего сердца отзывается острой болью в груди. Воздуха не хватает. Его, будто выкачали из дома. Илья – мишень. Стоит сделать неверное движение, и его не станет, моего любимого мальчика не станет! Как же так? Привезла сына в Россию, спасая от одной беды, и направила в лапы другой.

– Илюшенька! Солнышко моё родное, мама очень тебя любит, слышишь? – изо рта вырывается полухрип. Буквально выдавливаю слова из стиснутого спазмом горла. – Ты для меня дороже собственной жизни. Мой маленький ангелочек. Ничего не бойся. Я с тобой.

Едва заметно опускаю руку с оружием вниз, сужая расстояние с полом.

– Медленно! И не вздумай дурить, если хочешь сохранить себе и сыну жизнь, – четко произносит каждое слово.

– Загорная Светлана Петровна собственной персоной... – раздаётся со стоном и кряхтением грудной голос мужчины где-то совсем рядом, тотчас принимая точку прицела на себя. Короткий миг. Моя рука висит в паре сантиметров от пола. Раздаётся негромкий хлопок и ответный выстрел из её пистолета. Илья вскрикивает и притихает, как мышь, намертво цепляясь за меня. Всё происходит за считанные доли секунды. На плече у безумной под тонкой шёлковой блузочкой расцветает алое пятно крови. Стоит, пошатываясь, смотрит в одну точку, а рука, разжавшись, роняет оружие на пол. Я вздрагиваю от оглушительного металлического лязга о мрамор.

«Больше ты его не поднимешь, тварь!» – в голове срабатывает щелчок. Вспышка адреналина. Защитная реакция не заставляет себя ждать. Беру правильный угол наклона и по инерции остервенело выпускаю в неё несколько пуль, прижимая лицо Ильи к своей груди. Одержимая жизнью, жму на спусковой курок раз за разом, пропуская удары сердца, пока прямо над ухом,

переплетаясь с эхом выстрелов в голове, не раздается хриплый командный голос: «Остановись! Хватит! Ты сняла её с первой попытки, черрт! Твою мать!», а на моё запястье ложится чья-то ладонь, и твёрдая рука вырывает пистолет из моей.

Самозванка обмякает, ноги подкашиваются, её тело, подобно тряпичной кукле, шумно валится на пол.

– Успокойся! Всё позади.

– В чемодане ребёнок! – кричу, сама не своя. Плевать. Черту перешагнула и поздно каяться. – Илюш, прислонись к Скорпиону и не смотри назад, сынок. Ты же умничка. Слушай мамочку. Мужчина обессилено падает на колени рядом с нами, сгребает Илью в охапку, прижимает голову к груди, не давая возможности ей вертеть по сторонам. Что-то шепчет ему на ухо. Тот отвечает. На четвереньках ползу к пистолету, чтобы отшвырнуть от греха подальше.

– Не прикасайся к оружию! Не смей! – жестко звучит вдогонку. Сворачиваю к чемодану. Щелчок. Второй. Третий. Благодарю судьбу, что нет кодового замка. Крышка распахивается. Дышит? Дрожащими руками проверяю пульс.

– Есть! Живой! Неотложку срочно!

– Владимирович, в доме труп. Как попали в аварию? Ася?! – взволнованный голос резнул по ушам. – Светлана нашлась. Вызывай оперов, я звоню в неотложку...

Глава 2

Жизнь продолжается

Ася

Несколько часов спустя после аварии.

С трудом открываю глаза, услышав тихое жужжание телефона. Кто-то получил смс. Вокруг белым-бело. Узкая больничная кровать, нависающая надо мной капельница и стойкий запах лекарств помогают сориентироваться и определиться с местом нахождения. Не люблю больницы. Снова воцаряется пугающая тишина, пробирающая до дрожи. Тело, словно не моё, не слушается. Ноет и очень болит в некоторых местах, особенно в нижней части живота и в области поясницы. Пытаюсь пошевелиться. Голова тут же взрывается пульсирующей болью. Виски словно кто зажал в тиски. Слышу свой протяжный стон.

«Авария...» – первое воспоминание проходит сквозь меня разрядом тока. Едва пошевелив пальцами, совсем чуть-чуть поднимаю отяжелевшие руки над животом, рассматриваю синяки и мелкие порезы на коже.

– Дима..? – прихожу в себя, шепча его имя, пересиливая очередную боль. – Димочка! – тут же вскрикиваю, принимаясь нервно ворочаться на месте, чувствуя, как паника затапливает сознание, жалит иголками каждый миллиметр плоти, не позволяя сделать глубокий вдох.

– Димочка! – срываю пластырь, с кровью выдёргиваю из вены иглу. Откидываю простынь, пытаюсь сесть на кровати.

– Асенька, тише... Тише... – внезапно отзывается знакомый голос, я порывисто поворачиваюсь на шёпот, фиксируя взгляд на копне рыжих волос.

– Катя? – обескуражена её присутствием.

Тёплые ладони подруги опускаются на плечи, вдавливая меня в подушку обратно.

– Прости, – извиняется, напуганная моими действиями. Сама дрожит и я с ней. – Надо было вибрацию убрать. Пришла смс от Кира. Дима в стабильном состоянии. С ним всё в порядке. Тебе нельзя волноваться, Ася. Лежи спокойно.

– Дети? Где Сашка? – охваченная тревогой, ишу ответы. – Там Светлана с ними! Кать! Лика – моя сестра! Что с детьми?

– Её Макс... – Маринина кусает нервно губы, отводя взгляд в сторону. – В общем, она мертва, Ася. Давай потом об этом. Дети в норме.

Головокружение даёт о себе знать. К горлу подходит тошнота.

– Помоги мне подняться, – прошу её, следом закрывая ладонью рот. Делаю медленный вдох через нос, прикрывая на секундочку глаза. Катя понимает с полуслова, подхватывает под мышки, помогает встать на ноги. Подводит мелким шагом к умывальнику, откручивает кран с холодной водой. Легкий запах хлорки ударяет в нос. В глазах пляшут яркие круги. Зажмуриваюсь, сжимая челюсти от резкой спазматической боли внизу живота. Задерживаю дыхание. На пару секунд отпускает.

– Ася, ты меня пугаешь. Я вызову врача. С сотрясением, хоть и легким, нельзя расхаживать по палате.

Умываюсь, пересиливая тошноту. Набирая в ладонь воду, пью маленькими глотками. Становится легче на какое-то время, но я не схожу с места, разглядывая своё бледное лицо в зеркале. Не узнаю себя. Ложиться обратно в постель не хочу. Горю желанием увидеть Димку, поговорить с ним, удостовериться лично, что его жизни ничего не угрожает. Хочу услышать голос Сашки.

– Кать... ааай! – в очередной раз кричу, сжимаясь вся, едва не опускаясь грудью на раковину, когда ноющая боль перетекает резко в схваткообразную. – Больно, Кааать! – хватаюсь рукой за живот. Меня резко выворачивает желчью. Снова и снова.

– Держись крепче за раковину, – кричит подруга, отходя от меня всего на миг, – я только кнопку вызова нажму!

Облачённая в больничную тонкую сорочку, чувствую, как по всему телу проходит сухой жар, а следом за ним позвоночник обволакивает ледяная волна. Начинает трясти. Катя подбегает, обнимает за талию.

– Потерпи, подружка, сейчас должны прийти врачи. Что болит, Ася?

– Живот, – стону, закусывая почти до крови губу. – Ммм... Боже! Всё болит... Особенно голова и поясница.

Чувствую, как из влагилица выскальзывает что-то горячее и очень вязкое, словно сгусток крови при месячных, только этот чуть-чуть больше. Слишком обильно и мокро... трусики мгновенно наполняются и пропитываются влагой. Страх прошивает сознание единственной догадкой.

«Выкидыш...»

Боязно тянусь к промежности, зажимая её дрожащей ладонью сквозь слои хлопка. В это время распахивается дверь.

– Вам нельзя вставать, Беляева, – низкий и строгий голос мужчины крепкого телосложения привлекает к себе мой взор. Хмурый доктор в белом халате под два метра ростом, смерив меня с головы до ног неодобрительным взглядом, сосредотачивается на моей руке между ног. Едва стою, ощущая, как во все мышцы проникает слабость.

– Вика! – кричит кому-то в приоткрытую дверь и тут же вместо Кати обхватывает моё вялое тело огромными лапищами, не позволяя свалиться на пол. Подруга молча отходит в сторону, шокированная происходящим. В палату из коридора влетает молоденькая медсестра.

– Да, Эдуард Васильевич? – устремляет внимание на выступающую кровотокающую вену на кисти моей руки. – Вот блин! Зачем вы сами вытащили иглу?

– Беременную Беляеву срочно на УЗИ! Выкидыш в действии.

Холодным и стальным голосом подписывает приговор, затягивая на моей шее верёвку безысходности.

Смотрю, как под пальцами на сорочке проступает алое пятно и хочу спрятаться в тихом и укромном углу, чтобы никого не видеть и не слышать, чтобы попытаться хотя бы на время отключить противоречивые чувства и не винить других в своей участи...

Дмитрий

«Димааа!.. Димочка!.. Нееет!..» – прозвучавший в голове крик Аси приводит меня в сознание. Резко распахиваю глаза, устремляюсь взглядом на источник света в больничной палате. Замечаю у окна знакомую фигуру. Легчает. Бес смотрит на улицу, скрестив руки на груди, задумчиво постукивает плечо девайсом.

– Кирилл? – едва нахожу в себе силы приподняться на локтях и просипеть. – Давно ты здесь? Где Ася?

Тревога за любимую женщину с разгону прошибает болью грудную клетку. Стону, обессиленный падая на подушку.

– Как ты? – подходит ко мне, взволнованно осматривает моё лицо. – Твою ж мать! Ворон, как же вас так угораздило?

Шиплю от боли. Голова раскалывается. Над левой бровью жжёт и чешется. Тянусь туда пальцами.

– Не трогай шов, – предупреждает Кир. Одёргиваю руку. – У тебя на лице, кроме отчаяния и боли, куча царапин и ссадин. Осторожно с капельницей, Дим. Рукой не дёргай.

– Черт с ней, что с Асей, Кир? Куда её определили? Где она? – настаиваю на ответе, повышая хриплый голос.

Молчит. Смотрит на меня с горечью в глазах, будто пытается подобрать слова. Ощупываю шею. Болит, но, слава Богу, целая. Не могу сдержаться. Спокойствие взрывается криком.

– Блять, Бес! Ответь мне, где Ася?! Она жива? Где моя девочка?!

– Да жива, Дим, жива твоя Ася. Катя с ней. Она недавно пришла в себя. Всё в норме... – озадаченно бубнит, отворачивая лицо куда-то в сторону и тихо добавляет:

– Если... можно... так сказать.

– Что?.. – страх ползёт по позвоночнику холодной змейёй. – Ты это о чём? – делаю усилие и, срывая с себя одеяло, резко сажусь на кровати, спуская обе ноги на пол.

– Ммм... – виски простреливает адская боль. Сжимаю их ладонями, прикрывая глаза. Вижу её лицо. Бледное, напуганное, всё в слезах. Прокручиваю в голове последние события с аварией. Чувствую что-то неладное, прямо противно становится на душе. Мерзко. Хочется волком завывать.

– Мне необходимо её увидеть! – на полном серьёзе заявляю, выдергивая иглу из вены. Лекарство в прозрачной упаковке почти закончилось. Злюсь, что медсестры вовремя не делают свою работу.

– Ты охренел совсем? – быстрым движением вызывает подмогу, нажимая кнопку вызова медперсонала.

– Иуда... – стону, хватаясь рукой за бортик кровати.

– У тебя сотрясение, что ты хочешь, чтобы я сделал?

– Хочу услышать правду! Что ты скрываешь, Бес?

Тяжелый вдох. Кирилл сжимает кулаки, хмуря лоб.

– Дим, на этом жизнь не заканчивается, помни об этом. Всё у вас ещё впереди. Слышишь? Ты только держи себя в руках, ей нужна твоя поддержка... Тебе нельзя сейчас терять контроль.

Врезаюсь неодобрительным взглядом в его лицо, требуя объяснений.

– У Аси случился выкидыш...

– Что?

* * *

Оцепенев, смотрю на друга, словно на призрака. Мышцы в ногах не работают, не слушаются команд. Кир тихо матерится, потирая устало ладонями лицо. Садится в кресло напротив меня, терзая себя собственными мыслями. Медленно выдыхает.

– Несколько минут назад увезли в отделение гинекологи. Катя смс прислала.

– Аааааррр!!! – из груди вырывается оглушающий дикий рёв. Отчаянье вгрызается глубоко в душу. Сметаю с тумбочки препараты, с грохотом переворачивая мебель на пол. Кирилл подпрыгивает с места в то самое время, как в палату входит врач.

– Вика! Успокоительное, быстро! – орёт, приближаясь ко мне широким шагом. – Вы что себе позволяете, Дмитрий? Вас определили в отдельную палату, дали возможность друзьям находиться рядом, я запретил следователю тревожить допросами, ссылаясь на нестабильное состояние, чтобы Вы пришли быстрее в норму. Что за балаган, мать вашу, Вы мне тут устроили? Половину отделения на уши поставили!

Только позвал медсестру, а она тут как тут, появляется передо мной с наполненным шприцем.

– И этот занимается самоуправством. Эдуард Васильевич, они что, по-очереди капельницы будут срывать?

– Коли, давай!

– Не надо транквилизаторов! – возражаю, сцепив зубы. – Я хочу увидеть свою женщину! Что с ней? Где Анастасия Беляева?

Ловлю за руку девушку, испепеляя её бешеным взглядом. Пальцы ощутимо сжимаются на тонком запястье. Ахает, кривясь от боли. Испугавшись, роняет на пол шприц. Часто моргает, едва дыша.

– Псих! – шипит, вырываясь из хватки. Отходит в сторону к Кириллу.

– Дмитрий, – начинает доктор спокойным тоном, – я сейчас закрою на это всё глаза только из-за просьбы Матвея Владимировича. Была бы моя воля, отправил бы Вас... – смыкает губы в прямую линию.

– К черту! Я понял, – жмурюсь от очередной болевой вспышки в висках.

– Ложитесь в кровать! – железный голос вынуждает повиноваться. – Вас не впустят к ней сейчас. Гинеколог проведёт осмотр. Сделает УЗИ. Возможно, придётся чистить матку, удалять остатки плода, чтобы предотвратить развитие инфекции. Позже определю вас обоим в отдельную палату. Может, хоть так утихомиритесь. Ещё одна такая выходка, и я без колебаний направлю в другую больницу.

Ася

«Я его потеряла? Да?» – всё ещё глухим эхом звучит мой собственный голос в голове.

Не верю. Ни чужим словам, ни тому, что видят мои глаза. Сердцу не верю. Всё это происходит не со мной. Не с нашим маленьким чудом. Я даже боялась мечтать. Где-то глубоко в душе знала, что его частичка живёт во мне, но старалась не думать, чтобы не вспугнуть наше хрупкое счастье.

«Не молчите, доктор! Ну хоть что-то можно сделать? Сохранить беременность возможно же? Скажите, что всё обойдётся...»

На мониторе мелькают чёрно-белые кляксы. Реву молча, кусая губу, пальцы сминают ткань больничной окровавленной сорочки. Слезы текут, не останавливаясь, жгут кожу. Так легче. Молчать и давить в себе боль. Рвать её на куски и бросать в обжигающее пламя. Сжигать горечь изнутри, чтобы не выходила наружу, не напоминала о себе, не отравляла других – близких мне людей...

«Надеяться на спасение ребенка бессмысленно, Анастасия. Слишком маленький срок. Произошло самопроизвольное изгнание плода организмом. Из вас вышел обильный кровяной сгусток. Радуйтесь, что не придётся выскабливать полость матки. Через неделю, полторы сделаем повторное УЗИ. Не стоит так убиваться. Вы молодая. Ещё десяток нарожаете...»

«Хладнокровный ублюдок!» – вопит моё сознание. Хочется расцарапать умнику лицо. Для него очередной типичный случай, для меня же – душевное потрясение. Первая беременность. Первый болезненный опыт. Эти шрамы вряд ли рассосутся с годами, так и будут напоминать о себе вспышками отчаяния и страха...

– Прости меня, девочка моя, прости, маленькая... – тихий желанный голос вытаскивает сознание из душного марева. В голове стоит шум из-за влитых в меня лекарств. Заторможенная реакция не позволяет сразу пошевелиться и выдать хотя бы слово. – Если бы я только знал, я бы не трогал тебя... Почему ты скрыла правду? Чего ждала, глупенькая? Зачем позволила мне взять тебя в бесконтрольном порыве? Знал бы, что беременна, смотрел бы на тебя не дыша. Девочка моя любимая, что же мы с тобой натворили..?

Тихий шёпот Димы оглушает. Становится нечем дышать. Мне жарко. Всё тело окутывает невыносимым теплом. Чувствую, как дрожит чья-то ладонь на животе, как пальцы чутко поглаживают кожу сквозь одежду, вырисовывают какие-то круги, и понимаю – он рядом, дышит в висок, боясь пошевелиться, оплетает меня своим горячим телом на узкой больничной койке, а я вдруг хочу отодвинуться, раствориться, потеряться, чтобы больше меня не нашёл.

– Асенька, мы всё исправим, маленькая. Всё у нас будет хорошо... – губы, словно капли кипятка, стучат по скуле. – Кошмар остался позади, слышишь? Жизнь продолжается, моя хорошая. Всё пройдёт. Все забудется. Ты очень нужна мне. Я без тебя в этом мире никак... Скажи, что любишь... Не молчи...

Глава 3

Мы сами сотворим себе ад

Дмитрий

Полторы недели спустя. Среда. Конец июня.

– Дим, поешь хоть что-нибудь, – мама ставит тарелку с куриным бульоном передо мной, присаживается рядом, обнимая за плечи. Голова всё ещё немного кружится и в висках давит незначительная боль, но всё это мелочи, по сравнению с тем, что происходит у Аси в душе. Если бы я только мог забрать себе её муки, не задумываясь принял бы.

Опускаю веки. Чувствую, как под ними собирается влага. Жжёт. Растираю пальцами глаза, прогоняя слёзы, открываю их, часто моргая. Не могу спокойно смотреть на то, как она себя изводит, замыкается, отдаляясь от меня на недостижимую дистанцию. Её молчание медленно убивает, словно яд.

– Нужно было послушать врача и обоим пройти курс лечения до конца.

– Я не мог. Ты же знаешь, бизнес не терпит отлагательств, да и Ася не могла больше там оставаться.

– Дима... поешь, – мать настаивает на своём, поглаживая мой затылок, как в детстве. Беру в руки ложку, сжимаю её до хруста в костяшках, и не могу сделать вдох. Мне бы поорать, выдохнуть из себя накопившееся отчаяние, да только родных напугаю. Сашка до сих пор вздрагивает от любого шороха, спит между нами, прижимаясь по-очереди то ко мне, то к Асе. Сука! Как же мать была права, чувствовала покойную тварь, а я даже пальцем не пошевелил, мозгами не пораскинул, все спустил на тормозах. Разрешил змее заползти в мой дом, ужалить побольнее...

– Не хочу, мам, кусок в горло не лезет, – со стуком опускаю ложку на столешницу. – Она ничего не ест, и я не могу.

Вина жрёт изнутри. Хочется лбом приложиться о стенку. В груди рывком спирает дыхание, будто кто всадил кол между рёбер и вкрутил его со всей дури. Как сумасшедший, тянусь разодрать ногтями футболку вместе с кожей. Мать останавливает меня, перехватывая мою руку.

– Но так нельзя, сынок! – отрезвляет командирским тоном. – Ты им нужен здоровым! Остынь! Не казни себя. Дай Асе время пережить несчастье.

Вздрагиваю, будто пытаюсь стряхнуть с плеч леденеющую вуаль.

– Мам! Да как остыть? – поднимаю на неё затравленный взгляд. – Ты едва очухалась после снотворного, Сашку к психологу возим, Илью Бог миловал, зато Аля никак в норму не придёт. Я хочу видеться с сыном! Бль... – прикусываю язык, сжимая пальцы в кулаки. – Илюшку со дня аварии не видел. Черррт! Как же всё усложнилось...

– Мальчик мой, отпусти её. Алине у Макса сейчас будет намного комфортней, чем где-либо. Девочка такой стресс пережила. Не каждый день на глазах убивают человека, пусть это даже преступница, но всё же... У Максима опыт в таких делах имеется, он поможет ей справиться с шоком. Куда ей одной в отель? Илюшка так по матери скучал, что теперь клещами не оторвёшь.

– Макс у нас прям Мать Тереза! – поднимаюсь со стула, и подхожу к окну, упираюсь лбом в прохладное стекло, ладони опускаются на прозрачную поверхность. Пытаюсь выровнять дыхание.

– Илья мой сын! И я не хочу, чтобы моя кровь и плоть называла отцом чужого дядьку!

– Ты запутался, мальчик мой, – пальцы матери успокаивающе проходятся по позвоночнику. – Время лечит любые раны, затягивает, вот увидишь. Поженитесь с Асенькой, детки сами

появятся, ты и глазом моргнуть не успеешь. Разлуку с Ильей не так остро будешь чувствовать. Да он и сам к тебе будет тянуться, в гости приезжать. Никто не отберёт у тебя сына, между вами крепкая связь! Главное – правильно её поддерживать.

Ася

– Отпустите! Отпустите меня! Мама! Мамулечка! Не отдавай ей меня! Она злая! Злая! – сонный Сашка вздрагивает и кричит, выгибаясь всем телом от внезапного приступа страха. Руки хаотично прощупывают воздух, пытаются уцепиться хоть за что-нибудь. Резко сажусь рядом с ним на кровати, до смерти напуганная криком. Морщусь от внезапного приступа головной боли.

– Тише, родной, тише, я здесь, милый! – подхватываю на руки лёгкое тельце и усаживаю к себе на колени, прислоняя голову к груди. Укачиваю, целую мягкую белокурую макушку.

– Мама рядом. Я здесь! Никому тебя не отдам, слышишь? Успокойся, мой хороший. Всё позади. Это просто дурной сон. Посмотри на меня.

– Лика уехала? – поднимает кверху отчаянный взгляд. – Она не станет меня больше душить рукой? Мамочка, мне было очень страшно. Она так разозлилась! – тянется к шее маленькими ручонками и крепко обнимает, прикладывая все свои силы.

– Нет, мой родной, она тебя больше не обидит, – оплетаю хрупкую спинку руками. Мгновенно ощущаю в горле ком, из-за чего не могу нормально дышать. Задумываюсь о будущем и на глаза наворачиваются слезы, я уже не уверена, суждено ли мне когда-нибудь стать счастливой. – Дядя Матвей позаботился, чтобы Лика больше не возвращалась к нам. Она уехала далеко-далеко. Больше ты её никогда не увидишь, обещаю, малыш. Забудь о ней.

Слёзы скатываются к подбородку, волосы Сашки липнут к моим мокрым щекам. Смотрю в никуда, раскачиваясь, словно маятник, а непрощенные мысли так и норовят взорвать мозг. Перед глазами вертится калейдоскоп картинок с черно-белыми изображениями УЗИ, окровавленной больничной сорочкой, аварией, поцелуем Алины и Дмитрия. Слово кто-то прокручивает фильм назад. Из головы не выходит маленький Илья, который неосознанно пытался собрать в кучу своими искренними объятиями разбитое на осколки давнее счастье, прижимаясь к отцу и матери вот так, как Сашка это делает сейчас. Иногда детские порывы открывают глаза на правду, на жестокую реальность и этим убивают, сводят с ума, загоняя в тупик. Умом осознаю – правильным будет уступить Диму родному сыну, женщине, которая до сих пор равнодушна к отцу своего ребёнка, а сердце кричит, протестуя, пытается доказать разуму, насколько я сумасшедшая мазохистка и как сильно запуталась в своих желаниях. Не привыкла я строить своё счастье, идя по трупам. Достаточно того, что я несостоявшаяся мать. Сашка – мой единственный светлый лучик во тьме, в которую я погружаюсь день за днём всё глубже и глубже, не осиливая горькую реальность.

– Мам, почему ты так часто плачешь? – озадачивает своей наблюдательностью. – Ты больше не любишь папу? Поэтому он злится, да?

– Злится? Папа ругал тебя? – сердце пропускает удар. Не могу поверить, что Дима, потеряв контроль над собой, в один из отчаянных моментов мог сорваться на мальчишке.

– Вчера ты с нами не ужинала. Папа ответил на звонок и на кого-то накричал. Затем вышел из беседки во двор и в ярости швырнул о стену свой стакан от сока. Бабушка Нина меня увела в дом. Сказала, что папе нужно побыть одному.

– Поэтому ты пришёл ко мне, как мышь, и лёг сразу спать? Испугался?

– Угу...

– Не стоит его бояться. У папы и у меня сейчас трудный период в жизни, но ты не должен волноваться по этому поводу. У взрослых часто бывают неудачи и недопонимания. У нас много забот, но мы одинаково тебя любим. Очень-очень сильно любим, малыш, не смотря ни на что. Почему ты решил, что я не люблю папу?

Замираю не дыша в ожидании ответа, ведь дети намного наблюдательнее взрослых. Сашка с Илюхой развиты не по годам. Им всегда есть чем удивить. Ребёнок стирает пальчиками с моего лица слёзы и грустно заявляет:

– Ты его не обнимаешь, как раньше, и не целуешь. Вы всегда ходили в обнимку, а сейчас он всё время грустит один. Много молчит и думает о чём-то, иногда меня даже не слышит.

– Сашенька, это потому, что папа переживает и погружается глубоко в свои мысли, но не из-за того, что тебя разлюбил. Я тоже могу задуматься и не услышать чей-то голос поблизости. Так случается.

– А о чем он думает? – не унимается Почемучка, продолжая мучать меня расспросами.

– О работе. У него много подчинённых. Им нужно платить зарплату и требовать с них результат. О том, что тебе скоро в школу. Скучает по Илюшке, он тоже его сын. И папа его также любит как и тебя.

Целую Сашку в висок, заправляя чуть отросшие локоны за ушко.

– Мама Ильи говорила, что они скоро уедут жить к морю. Это правда?

– Возможно.

– Илья не хочет уезжать без папы. Ему нравится жить здесь. С нами. Почему его мама не может жить в нашем огромном доме? – вдруг выдаёт он, вынуждая меня поперхнуться слюной. От такого неожиданного заявления я прихожу в недоумение, и еле нахожу слова ответить.

– Потому что у мамы Ильи, наверное, есть свой дом, и она хочет быть в нём хозяйкой.

– Такой, как бабушка Нина? Она всё время хозяйничает.

Наверное эти слова меня должны расстроить, но я так сильно полюбила эту женщину, что даже не могу её ни в чём упрекнуть. Да и не за что.

– Бабушка Нина гостя. Она помогает папе в домашнем хозяйстве. Главный хозяин в этом доме папа.

– А ты?

Господи, насколько же дети наивные и бескорыстные создания. Ему невдомек, как невыносимо больно мне сейчас слышать этот вопрос.

– А я его люблю, – перевожу стрелки, чмокая маленький нос, – поэтому мы сейчас спустимся вниз и поищем на кухне что-нибудь подкрепиться. Хорошо?

– Ага. Я хочу бабушкин супчик. Она очень вкусно готовит. И ты тоже вкусно готовишь, ма. – Сашка в очередной раз пленяет мою шею крепкими объятиями. – Я так тебя люблю.

– И я тебя люблю, малыш, очень-очень...

* * *

Высокие стены дома окутаны необычайной тишиной. Сашка в одиночку несилён всколыхнуть атмосферу этого жилища залиvistым смехом и весельем. Непривычно и грустно не слышать неумолкаемую забавную болтовню Ильи. С тех пор, как мы вернулись домой после покушения и аварии, жизнь в коттедже кардинально изменилась. Воспроизвожу в памяти последние моменты того ужасного дня и мне становится жутко в гостинной. Здесь Светлана отдала Богу душу. Стоит забыть, отпустить непрощенные мысли и жить дальше, но прохлада, скользкая по позвоночнику не позволяет расслабиться ни на минуту. Я всё ещё чувствую её присутствие, хоть и понимаю, что это всего лишь моя психологическая установка, не более того.

– Доброе утро, – произношу, заметив Дмитрия у окна. Он тотчас оборачивается на мой голос, слегка сбитый с толку, я растерянно приподнимаю уголок губ, замерев в проёме двери. Его присутствие не позволяет мне окончательно расклеиться в этом доме. После возвращения я впервые захожу на кухню. Сашка сжимает мою ладонь, напоминая о своём беспокойстве.

Пару секунд мы молча смотрим друг другу в глаза. В них вижу отражение своей боли. Знаю, он чувствует то же, что и я, переживает тысячу разнообразных эмоций, но первым делает шаг навстречу, несмотря на невидимую пропасть между нами.

– Здравствуй, родная, – сгребает в нежные объятия мои плечи, опуская мягкий поцелуй на висок. Замирает, останавливая моё дыхание. Прикрываю на секундочку глаза, впитывая дрожащим телом его теплоту. – Как ты себя чувствуешь? – незаметно трётся виском о мой, затем отпускает, чтобы подхватить Сашку на руки. Мальчик льнет к его шее за считанные секунды.

– Нормально, Дим. Голова немного кружится и болит. А в остальном сносно.

– Лекарства принимала? Ася, нужно поесть. На голодный желудок не помогут.

– Тааак, – протягивает шутливым тоном, – а кто тут у нас такой грустнячий?

– Я... – раздаётся робкий голосок.

– А ну-ка, посмотри на меня! – чмокает второго сына в носик. Сашка расплывается в счастливой улыбке, что невероятно радует.

– Опять снились плохие сны?

– Угу, – подтверждает его догадки. – Пап, я скучал без тебя, – гладит ладошкой по колючей скуле отца, не отпуская взгляд Димы. – И мама скучала... Ты опять работал в кабинете? Мы проснулись одни.

– Мне не спалось, малыш. Идём-ка за стол, сейчас бабушка вернётся и накормит нас.

– А когда Илья к нам приедет? Я соскучился. Хочу с ним играть во дворе в пиратском домике.

Дима слегка напрягается, хмуря лоб, усаживает Сашку за стол.

– Пока не знаю, сынок. Возможно, он скоро нас навестит, а сейчас ты возмёмшь ложку и приступишь к делу. Хорошо? Вот, держи, – пододвигает к Саше тарелку с супом. – Ешь, пока не остыл. Бабушка Нина очень старалась.

Тема «Илья-Дима-Алина» с некоторых пор для нас довольно щепетильна. Особенно для него. Ситуация слишком сложная. Вижу, как он мечется, в основном из-за меня, не знает как правильно поступить. Скучает по сыну, но не просит его привозить в гости. В голову приходит единственная правильная мысль: дать нам всем время, ибо другого выхода я не вижу в разрешении некоторых вопросов. Пора взять тайм-аут, если, конечно, эта вынужденная пауза не окажется окончательной жирной точкой в наших отношениях.

– Дим, нам нужно поговорить... – поднимаю на него решительный взгляд.

– Думаю, ты права, Ася, пришла пора разобраться со всем, и чем быстрее мы это сделаем, тем будет лучше для всех нас.

Дмитрий

Обед прошёл в молчании. Уловив очередное напряжение между мной и Асей, мать с трудом уговорила ребёнка уйти с ней на террасу, чтобы на какое-то время занять его чтением сказок.

Всё это время, украдкой глядя на отрешённое лицо Аси, я прокручивал в голове варианты её терзаний, не отбрасывая даже самые худшие. О чём думала всё это время, неохотно ковыряясь в своей тарелке? Такое чувство, что уже приняла важное решение за нас двоих и вряд ли пересмотрит свои взгляды на сложившуюся ситуацию. После выкидыша Ася стала недостижимой, едва ли не чужой. Сколько не пытался подобрать нужных слов, чтобы успокоить её – всё напрасно. Моя девочка, словно застряла в точке невозврата, зависла, в одиночку переживая боль утраты, и не собирается приходить в норму, всё глубже погружаясь в свой кокон.

– Ему очень не хватает мужского внимания, Дим, – внезапно произносит.

Очнувшись, отставляю в сторону изученный до мелочей стакан, поднимаю на неё глаза.

– Он скучает. Ему нужен отец, – добавляет она.

Ася поднимается со стула и начинает складывать в стопку пустые тарелки, собирает грязные приборы и относит их в раковину. Встаю следом за ней, чтобы помочь, убираю со стола остальную посуду и следую к кухонному островку, сгружаю в раковину, незаметно втягивая аромат волос своей женщины.

Вымотался за последние два дня. Старался не давить на неё своим присутствием, от чего ужасно соскучился. Мне до боли не хватает её тепла. До ломоты в теле хочется прижаться к своей груди хрупкий родной стан и не отпускать. Зацеловать всю, чтобы вытеснить из её головы тревожные мысли. Любовь, не подкреплённая физическим удовольствием, гаснет со временем, и я боюсь, что Ася остынет ко мне окончательно. Боюсь опять возвращаться в пустое жильё и ложиться в одиночку в холодную постель, после того, как пережил с ней самые ошеломительные моменты в нашей жизни.

– Я знаю, – отвечаю ровным тоном, обдумывая в голове ошибки, из-за которых произошёл раскол в наших и без того шатких отношениях. – На кону важный проект, Ася. Я потерял в больнице много времени. Пришлось навёрстывать упущенное. Я должен заботиться о вас, и моя забота не предусматривает только тесное общение в семейном кругу. У меня есть и другие обязательства.

– Да. Конечно, – в голосе сквозит сожаление, больше похожее на ревность. – Я понимаю, Дим.

Пытается обойти меня, но я не позволяю ей увильнуть, беру за локоть, останавливая и не давая вырваться.

– О чём ты хотела поговорить? – мой голос становится тверже. В данный момент не вижу надобности сюсюкаться с ней. Либо она очнётся и начнёт жизнь с чистого листа, либо погрузится ещё глубже в свой персональный ад, ища в нём спасение и комфорт. – Алекс всего лишь предлог. Ты же знаешь, что я к нему отношусь как к собственному ребёнку. Люблю его не меньше Ильи. У меня нет опыта общения с детьми, но я стараюсь соответствовать, быть тем, кем он хочет меня видеть.

– Отпусти меня, Дим. Мне больно.

Мгновенно разжимаю пальцы. В порыве отчаяния не рассчитал силу. Черррт! Это какое-то безумие и хуже всего то, что она не видит из него выхода, а без согласия Аси я не могу вытащить её оттуда, как бы не пытался – всё тщетно.

– Маленькая, пора что-то решать. Так продолжаться больше не может! – нависаю над ней, отгесняя девчонку к шкафчику. Ася упирается спиной в гарнитур. Ставлю ладони по обе стороны её головы, соприкасаясь с ней лбами. – Я чувствую, ты винишь во всём меня, злишься за тот нелепый момент с поцелуем, ведь из-за него произошла вся эта беда. Прости! Я тысячу раз покаялся! Я не знаю, каким способом вымолить твоё прощение за всё, через что тебе приходится проходить. Я сотню раз вторил и ещё повторю – он ничего для меня не значил! Между нами с Алей больше нет притяжения. Всё, что ты надумала себе – это ложь. Я остыл к Алине, но как женщину и мать моего сына не перестану уважать. Я ведь его не хотел. Она родила Илью вопреки моему желанию и поэтому сейчас, осознав свою ничтожность, я благодарен ей за сына и точка!

– Дим, очнись! Я ведь не слепая! – ладошки Аси толкают в грудь, вынуждают слегка увеличить расстояние между нашими лицами. – Скажи, в твоей голове никогда не проскакивала мысль вернуться к ней хотя бы на миг? Да хотя бы взять тот момент, когда ваш общий ребёнок сблизил вас на какие-то скудные пару минут. Илья изо всех сил прижимался к обоим. Он хочет видеть вас вместе, не по отдельности! Ребёнку нужна полноценная семья! Ты говоришь о благодарности, а как же я? Как должна чувствовать себя я? В данный момент я всё потеряла. Всё!

– Почему ты решила, что я хочу возобновить с ней отношения? Это чушь! – крепко обхватываю ладонями печальное лицо Аси, прожигая его насквозь своим отчаянным взглядом. – Если ты не видишь моих слез на глазах, то это не значит, что моё сердце не болит! Ася, я

не меньше шокирован утратой, я ведь мечтал о наших с тобой детях, ждал, когда ты, наконец, придёшь и скажешь: «Дим, я беременна». Но этого не случилось. Знала Катя, знал Кирилл, только не я! Ты позволила себе риск, не захотев даже поговорить со мной, выслушать меня, не дала нам шанса. Подставила под удар наши жизни, чувства и решила за нас обоих, что лучше, а что нет! Я же люблю тебя, маленькая, ты мне очень нужна! Пойми же меня, прошу...

Ася

Дима распинает меня умоляющим взглядом, вызывая в теле неконтролируемую, нервную дрожь, вынуждает сердце шептать от тоски и отчаяния. Не в силах смотреть ему в глаза, плююсь на шов над левой бровью, но даже эта деталь расплывается на глазах тёмным пятном. Два серебристых осколка стали впиваются в душу слишком остро, глубоко, слова не облегчают боль, лишь разжигают её сильнее, от чего ещё больше хочется волком выть. Без него не могу, и с ним никак! С ним ещё больше!

– Прекрати... – прошу так жалобно, с мольбой, что не узнаю собственный голос.

– Ася, я люблю тебя, – его горячие губы накрывают без спроса мои влажные веки, целуют в хаотичном порядке то лоб, то нос, то щеки, шепча что-то едва различимое, при этом опалая дыханием мокрую от слез кожу лица. – Люблю, очень сильно люблю, малыш... Неужели ты не чувствуешь?

Меня встряхивает, словно от электрического разряда, внутренности затягиваются в тугие узлы, кожа под одеждой воспламеняется, будто на ней разжигают костры, когда напряжённые мышцы Дмитрия вжимаются в моё тело, надёжно фиксируют к мебели, чтобы не свалилась на пол без чувств. Облизываю пересохшие от волнения губы, пытаюсь подобрать подходящие слова для того, чтобы озвучить своё решение, но так и не могу выдать из себя ни единого слова, не в силах оттолкнуть, послать к черту и наорать за то, что он снова вводит меня в транс своей близостью, своей крышесносной энергетикой. Парализованная им и своей слабостью не могу пошевелиться. Его губы плавно опускаются на мои, ждут ответной реакции и я безвольно сдаюсь на несколько долгих минут, полностью подчиняясь ему, отвечаю на желанный, горько-сладкий поцелуй, будь он неладен. Пью его хриплый стон облегчения. Пальцы любимого мужчины скользят к затылку, запутываются в волосах, перебирая прядь за прядью, разгоняют под кожей жар. Ладони Дмитрия не отпускают мою голову, то нежно фиксируют её, то гладят, то спускаются к шее и снова возвращаются к затылку. Задыхаюсь. Наслаждение сковывает тело и рассудок невидимыми цепями. Что-то заставляет меня опомниться, и я в очередной раз нахожу в себе силы оттолкнуть его, на этот раз сильнее надавив на грудную клетку.

– Хватит! Все! Прекрати!

Дима не противясь, отступает на полшага назад. Радужки его глаз наливаются тёмным металлом, жгучим, в них разгорается одержимость. Понимаю, что он возбуждён. Мне становится страшно. Больше не хочу подпускать его к своему телу.

– Не трогай меня, прошу... – всхлипываю, закусывая губу, чтобы не разрыдаться. Обхватываю себя руками в защитном жесте.

В голове стоит шум. Всё, чего я хочу: сбежать от него подальше, скрыться, затаиться на какое-то время и привести свои мысли в порядок, сосредоточиться на важном, в первую очередь на Сашке. С ним не могу этого сделать. Не получается игнорировать мужское обаяние, ласку и теплоту. Нежность Дмитрия сводит с ума. Вкус его губ и аромат кожи дарят запредельные эмоции. Я с лёгкостью поддаюсь искушению, теряю себя, растворяюсь в нём без остатка. Так нельзя! Боюсь в один миг возненавидеть его и себя...

– Нам нужно расстаться, – выпаливаю на одном дыхании. – Я так больше не могу. Мне нечем дышать рядом с тобой. Это какое-то безумие! Наша встреча, секс, попытки понять друг друга – всё безумие, Дим. Это не любовь! Это одержимость!

– Ася, ты чего? – в растерянности произносит, поднимая руку, чтобы коснуться дрожащими пальцами моего лица.

Отпрянув от мужчины, как от огня, оборачиваюсь к нему спиной, опираясь на раковину. Едва дышу, ощущая затылком дыхание Димы. – Маленькая, я и не думал. Я лишь хотел успокоить, хотел обнять тебя, просто поцеловать. Я соскучился по тебе прежней. Сколько тебе нужно времени? Я дам тебе его, только не делай глупостей. Всё наладится, Асенька, всё у нас будет хорошо, а то и лучше! Я уверен в этом. Даже сомневаться не хочу.

– Дим, ты меня не понял, – до хруста в пальцах сжимаю холодный выступ мрамора. – Нам нужно взять паузу, разбежаться, разойтись. Опомнись... в конце концов. Я забираю Сашку и уезжаю в свой лофт. Больше не могу оставаться здесь ни минуты.

– Сколько ты хочешь получить этого чертового времени, чтобы вернуться в тот день, когда ты поклялась стать моей женой? Сколько? – отчаянное и громкое рычание Димы над ухом вынуждает вздрогнуть. Его руки ложатся на мои плечи. Пальцы сжимаются. – Ася, когда ты, наконец, поймёшь, что я не бросаю слова на ветер и не делаю предложение каждой второй женщине?

– Будет правильным, если мы начнём учитывать желания наших детей, а не идти на поводу собственных прихотей.

Дмитрий

– Хорошо же ты учла желания Сашки. Что ж тут скажешь? Bravo! Ты невероятно проницательная мать...

Едва сдерживая стон разочарования, прислоняюсь лбом к затылку Аси, зажмуривая от безысходности глаза, пока в них не начинают плясать разноцветные огоньки. Растворяюсь в аромате золотистых волос. Под пальцами тело настолько хрупкое, что я боюсь сжать его сильнее, встряхнуть, подмять под себя и никуда не отпускать, боюсь допустить очередную ошибку, сделать ещё один неверный шаг, надавить морально на тонкую психику своей глупенькой девочки. Боюсь сломить её волю. Боже, как же она права... я становлюсь одержимым ею. Не знаю, как дальше жить без Анастасии. Не отпущу, чтобы она там себе не напридумывала.

– Зачем ты так, Дим? – раздаётся её почти сиплый голос. Ася на нервах шумно глотает комок. – Я знаю, какого это – расти без отца, каждую минуту желать увидеть его мельком если не наяву, то хотя бы в своих снах. В детстве я боялась приближения сумерек. Как только сгущались тени в спальне, я накрывалась с головой одеялом, чтобы случайно не уловить взглядом в одном из тёмных углов злого бабайку. Кроме деда меня некому было защищать. Он часто пропадал допоздна за работой. Знаешь, как страшно просыпаться ночью в слезах не в силах унять бешеный стук сердца, пытаюсь удержать в памяти ускользающий родной облик мужчины, который я сама себе выдумала? Я всю жизнь мечтала о родителях! Лучше подумай о своём ребёнке. Ты до сих пор не имеешь на него прав. Займись усыновлением Ильи, а меня и Сашку отпусти, пока ещё не поздно, пока он не прикипел к тебе всей душой. Я боюсь, что однажды ты исчезнешь из нашей жизни и мальчик ощутит на себе все мои переживания и тяготы. Я не хочу, чтобы он страдал. Мы справимся как-нибудь. Я найду для сына нужные слова.

Её жалящая речь ранит больно, но не смертельно. Сжимаю зубы в порыве гнева, но тут же прихожу в себя. Учитывая моральные потрясения Аси, можно и это пережить. Нахожу в себе силы оторваться от девочки и отойти в сторону на какую-то дистанцию. На данный момент важна трезвая голова. Между нами виснет давящее молчание. Минута кажется вечностью. Звонкая тишина больно сверлит мозг. Наконец, собравшись с мыслями, я разрываю паузу, голос звучит слегка грубо и раздражённо:

– У меня двое детей. Если ты забыла, то я напомню тебе, что Александр носит мою фамилию и моё отчество. Илья не единственный ребёнок, за которого я несу ответственность!

– Я прекрасно помню, как и то, что моего мнения на этот счёт не спрашивали! – вспыхивает, резко разворачиваясь ко мне лицом. – Сам же просил быть честной и открытой, так почему же не поговорил со мной? Возможно, сейчас ситуация бы выглядела по-другому. Или ты привык всё и всегда решать один?! За всех?!

– Я тебя жалел! Берёг твои нервы. Не хотел добивать очередным шоком. У меня времени не было обдумывать, как бы помягче тебе преподнести новости от Раисы! В тебе сейчас говорит ревность! Будь честна хотя бы с собой! – понижаю тон, делая успокоительный вдох. Держусь на волоске, чтобы не разгромить гарнитур кулаком. – Неужели ты не понимаешь, что толкая меня в руки Алины, ты не сделаешь Илью более счастливым ребёнком, чем он есть на самом деле? Рано или поздно он хлебнёт сполна завуалированной прохлады между родителями.

– Ты не изменишь моего решения. Нам нужна передышка.

– Хорошо, я дам тебе это время. Но только на моих условиях...

Глава 4

Маленькое звено

Ася

Условия Димы на удивление оказались приемлемыми. По крайней мере с его аргументами я не смогла не согласиться. В первую очередь учитывались интересы Алекса. Боялась, что Дима пойдёт на шантаж, отпустит меня одну, оставив мальчика у себя, но этого не случилось. Идея переехать с сыном в лофт отпала сама собой. Причём сразу. Маленькая, съёмная квартира не подошла бы ни по каким параметрам, затребованным органами опеки, а вот жильё Димы, являющегося опекуном мальчика – в самый раз. Конечно, меня такие перспективы не обрадовали, но приняв его городскую квартиру, как временное убежище, я получила шанс пожить некоторое время отдельно.

«Время лечит любые раны, а тот, кто далёк, становится только дороже...»

– Приехали... – негромкий голос Дмитрия вынуждает разорвать круг мыслей и взглянуть на него. Тёплая мужская ладонь ложится на мою левую кисть, сжимает легонько пальцы. – Может передумаешь? Только скажи, и я отвезу вас обратно.

Отрицательно качаю головой, утопая в его нежном взгляде. В маленьком пространстве моей машины витает любимый цитрусовый запах и мне хочется, чтобы он не выветривался отсюда никогда. Уже этой ночью мне придётся скучать по нему и молча плакать в подушку.

– Ладно, – неохотно соглашается, поднося к губам мою руку. – Посмотришь, чего в квартире не достаёт и напишешь мне список. Я всё организую за сутки.

Дима на секунду отвлекается на сына, ласково хмыкает, и я снова чувствую на себе мурашки от его пронзительных глаз.

– Сашка уснул.

– Отлично. Ты сможешь спокойно уехать, а у меня будет время сориентироваться на новом месте.

Осматриваюсь вокруг. Двор элитной многоэтажки погрузился в сумерки. Во многих окнах горит свет. Поёжившись от непривычных ощущений, решаюсь выйти из машины на улицу.

– Подожди, – Дима заставляет мои пальцы замереть на дверной ручке. – Оставим твою тачку в гараже. Оттуда поднимемся на лифте, я покажу тебе подземный паркинг. Ася, будет лучше, если какое-то время ты попользуешься услугами такси. Мне так будет намного спокойнее.

Я не стала возражать. После аварии голова ещё немного кружилась и вялость в теле не проходила. Дима не позволил взять Алекса на руки. Напомнил мне о напутствиях врача: таскать тяжести после выкидыша мне категорически запретили в ближайший месяц, как и половые отношения.

Мы, как дружная семья, нырнули в небольшой, зеркальный лифт. Как только железные створки закрылись за моей спиной и замигали кнопки, указывая растущую нумерацию этажей, Алекс снова захныкал, накрепко цепляясь за шею Дмитрия.

* * *

– Он горячий, Ась, – губы Дмитрия касаются лба Сашки и, прижавшись, замирают на пару секунд. – Кажется у него жар. Тише, сынок, сейчас вызовем педиатра.

Какую-то минуту в тесном пространстве воцаряется тишина. Убедившись в правдивости его слов, поднимаю на Диму обеспокоенный взгляд.

– Скорая приедет быстро, ты только не волнуйся, – пытается меня успокоить, а я не могу выдавить ни слова, хочу, чтобы остался с нами рядом, чтобы не уходил.

Двери лифта бесшумно открываются, являя освещённый и богато обустроенный холл.

– Проходи, – голос тихий, но твёрдый вынуждает повиноваться. Неуверенно ступаю на тёмный мрамор и чувствую под ногами не твёрдый камень, а зыбучий песок. Ноги, будто ватные, не слушаются, подкашиваются. В квартире – полная тишина, только позади слышно тяжёлое дыхание Дмитрия и его уверенные, отдаляющиеся шаги куда-то в сторону.

– Ася! – зовёт, я оборачиваюсь на голос. – Спальня здесь. Иди за мной.

Из холла в глубь квартиры уходит освещенный крошечными лампочками коридор к дверям его спальни. Следую безмолвно за ним, соображая, что дальше предпринять с Сашкой. Нужно сбивать температуру.

– Его бы в ванную поместить, в летнюю водичку, – захожу следом, оглядываясь по сторонам в поисках санузла.

Дима опускает Сашеньку на кровать. Уверенными движениями снимает с него кроссовки и раздевает догола.

– Присмотри за ним, я наберу воду.

Быстрым шагом скрывается за дверью. Через мгновение раздаётся шум воды. Беру ребёнка на руки, прижимаю к себе, покачивая. Худенький, тельце покрылось испаринами.

– Мой маленький Принц, – шепчу, целуя пушистую макушку.

Пахнет родной кровью. Безошибочный запах ещё не взрослого, но уже не детского пота с нотками целебных трав, которые мама Дмитрия заваривала и добавляла в воду вместо непризнанных дорогостоящих масел и пен для ванны.

– Мамуль? А где папка? Я хочу к нему, – поднимает отяжелевшие веки, озвучивая желание сонным и хриловатым голоском.

– Сейчас, Сашунь, папа для тебя ванну готовит.

– Мамуль? А где бабушка Нина? Почему она не с нами? – оглядывается по сторонам, не понимая, где находится. – Зачем мы уехали из дома? Я хочу обратно. В этой комнате нет стены! Мы в небе?

Вертит головой, стараясь разглядеть сквозь панорамные окна серебристые огоньки звезд на фоне ночного неба. Внизу переливается разноцветными неоновыми огнями уставший за день Питер.

– Маленький, так было нужно. Бабушка скоро нас навестит. Что у тебя болит? Скажи мне.

– Ничего не болит.

– У тебя температура. Нужно полежать в тёплой водичке, пока папа вызовет к нам врача. Сашка начинает нервничать и выгибаться. Мне сложно одной с ним справиться.

– Я не хочу купаться, отнеси меня к папе! – возражает в панике, повышая тон и переходя на крик. – Не надо врача! Пожалуйста! Не хочу врача! Они все, как тётя Лика! Злые! Я боюсь, пап!

Дима за секунду предстаёт перед нами с бледнеющим лицом и тотчас принимает на руки ребёнка.

– Что случилось? Почему он истерит?

– Не надо врача! Не хочу врача! Папулечка не надо врача, пожалуйста! Хочу в кроватку. Пап, только ты не уходи никуда! Будь с нами!

– Хорошо-хорошо! Успокойся, сына, никакого врача не будет! – Дима, распластав на широкой груди Александра, обвивает его крепкими руками за поясницу и за шею, одновременно поглаживая кончиками пальцев затылок. Мальчик липнет к нему как банный лист. – Папа сам купит лекарства, но ты должен кое-что для нас с мамой сделать! Хорошо?

Сашка всхлипывает и молча кивает, соглашаясь. Я смотрю на Диму, не в состоянии унять крупную нервную дрожь. Хочется упасть на пол, прямо здесь, у его ног, на мягкий ворс беже-

вого ковра, скрутиться калачиком и зарыдать от бессилия, от нескончаемого ужаса. Нужно быть собранной, но меня, будто катком переехали. Крик сына вывернул всю душу наизнанку, высосал из тела последние силы.

– Ася, он вспотел. Ложись в кровать с мамой и засыпай. Я сейчас вернусь. Обещаю: никуда не уйду. Заберу наши вещи из машины и куплю тебе чего-то вкусенького. Что ты хочешь поесть?

– А м-м-м-м-м-м-мороженое? И ш-шоколад-ку? – шмыгая носом, бубнит Александр.

– По рукам! – усталая улыбка приподнимает уголки любимых губ. – Расстели постель, маленькая, я долго не задержусь. В аптеку сгоняю и сумки прихвачу.

Дмитрий

На автопилоте врываюсь в супермаркет в соседнем жилом доме, едва не сбивая с ног какую-то девушку.

– Простите! – сухо слетает с моих уст.

Теряюсь в круглосуточном магазине среди сладостей, смутно соображая, чем бы таким полезным набить пустую корзину в руках. Времени на раздумья мало. Мороженое и шоколад... Ценным в этих продуктах являются, разве что положительные эмоции. Остановливаясь на круглом торте из пломбира и клубничного джема, трёх упаковках шоколадных яиц «Киндер сюрприз» и прихватываю для Аси самую большую коробку с конфетами «Raffaello». Осталось определиться с лекарствами.

Набираю номер семейного врача Романа Васильевича, пока девушка на кассе пробивает товар и проводит оплату с помощью предоставленной мною карты. После нескольких минут разговора слегка успокаиваюсь. Если температура поднялась от пережитого стресса, то есть вероятность того, что скоро пройдет. Доктор прав: здоровый сон и забота родителей – лучшее лекарство в этом случае. Главное, чтобы Ася это поняла и не отталкивала меня, хотя бы в ближайшие дни.

– Да, я понял, Роман Васильевич, если к обеду не пройдет, пришлю за вами такси. Может, хотя бы Вас он не испугается, и подпустит к себе. Доброй ночи!

Здесь же в аптеке покупаю жаропонижающее и мчусь домой, попутно заскакивая в гараж за вещами.

Замерев у входной двери, какое-то время прислушиваюсь, не звучат ли голоса. В квартире царит полная тишина. Ни одного звука. Уснули? Отмечаю время на настенных часах. Меня не было двадцать минут. Усталый выдох расслабляет мышцы груди. Ставлю сумки на пол и направляюсь в спальню. К моему удивлению, я не застаю своих в постели. Мой взгляд замечает на кресле у окна брошенную одежду Аси. Предположив, что в данный момент они находятся в ванной, иду туда.

– Малыш? – тихо зову, приоткрывая дверь. Так и есть. Оба расположились в тёплой воде. Сашка, откинувшись спиной маме на грудь, мирно посапывает под слоем ароматной и пушистой пены.

– Уснул?

– Тсс... Только что, – вскидывает на меня ласковый взгляд, от которого пробирает мурашками всё тело. – Возьми полотенце, – шепчет Ася. – Обверни и отнеси его в кровать. Нужно было как-то охладить.

– Ты всё правильно сделала. Ему не хватало контакта, вот и уснул в уютных, маминых объятиях.

Придерживая Сашку, помогаю Асе подняться на ноги, принимаю его на руки, следя за тем, с какой лёгкостью она управляет с ребёнком, заботливо укутывая его в пушистый хлопчатобумажный ком. В этот момент горечь касается моего горла и обжигает его. Сглатываю внезапно возникший болезненный ком, пытаюсь не выдать свои скорбные эмоции. Сашка, наконец-то, смог

завладеть её вниманием, вытеснил из головы печаль, заставил по-другому реагировать на жизнь.

– Я принёс лекарства и сладости, кое-что прихватил лично для тебя, – не отпускаю её задумчивый взгляд, в котором загорается любопытство. – Сейчас уложу его в постель и вернусь. Дождись меня здесь, я принесу чистую одежду.

Ася нерешительно глядит на меня, прикусывая губу и вынуждая моё сердце замереть от излучаемого ею магнетизма.

– Что? – округляю глаза, чуть приподнимая уголки губ в искренней дежурной улыбке. – Предпочитаешь шлепать босиком по холодному полу в этой прилипшей мокрой футболке? Я принесу банный халат. Пора тебя накормить ужином.

Ася

Добавив в ванную горячей воды, прикрываю глаза и расслабляюсь, вдыхая мягкий и горьковато-сладкий ореховый запах. Отпускаю тяжёлые мысли, стараюсь не думать ни о чём, погружаясь в облачко витающего пара с ароматом миндаля и мёда на дразнящем фоне сладких апельсинов и, кажется, ещё присутствуют нотки ванили, лаванды и... сандала? Не важно, пахнет настолько чудесно, что я почти улетаю в какой-то другой мир, чувствуя в себе порхающую робкую свободу. Может быть потому, что в этих апартаментах мы с Димой находимся совершенно одни, не считая ребёнка. Как же мне не доставало его абсолютного внимания. Я соскучилась по тишине, соскучилась по небольшому и уютному пространству. Квартиру Дмитрия маленькой не назовёшь, но всё-таки она намного меньше частного дома, намного комфортабельнее для нас троих.

– Настюш... Сашка спит. Лоб прохладный. На данный момент беспокоиться не о чем, – неожиданно раздаётся вкрадчивый, проникновенный голос любимого мужчины. Его пальцы едва касаются моего виска, скользят вниз до подбородка, очерчивая линию лица. Сейчас мне не хочется откликаться, вместо слов с моих губ срывается легкий, едва заметный стон облегчения то ли удовольствия.

– Ммм... – доверчиво склоняю голову на бок, опускаясь щекой на шершавую ладонь, трусь о его руку, словно прирученная домашняя кошка, в предвкушении растягивая довольную улыбку.

Димка рядом, настолько близко, что я чувствую, как его горячее дыхание с запахом кокоса ласкает мою щёку и уголок рта, а нотки знакомого парфюма дразнят мои обонятельные рецепторы, и от этого я становлюсь ещё более счастливой, чувствуя себя маленькой, хрупкой девочкой в его сильных руках. Кожу покалывает приятный ток. Один глубокий вдох – и его собственный аромат проникает в меня, дурманя, затягивая в бездну ошеломляющих эмоций, отключая все предохранители в голове.

Никаких горьких воспоминаний.

Никакого самобичевания.

Никаких раскаяний сейчас совершенно не хочется.

Всё, что мне нужно в данный момент – забыться в его присутствии. Саша, будто маленькое соединяющее звено между нами, не позволяющее разъединиться и бесследно разлететься в разные стороны. Почему-то именно сейчас в душе разливается умиротворённость.

– Маленькая, открой рот, – большой палец обводит контуры моих губ, затем легонько надавливает на нижнюю и я впускаю его внутрь, едва дыша и касаясь языком шершавой подушечки. Прикусываю несильно зубами, робко обвожу языком по кругу, плотно смыкая губы вокруг фаланга. От этой невинной игры резко скручивает низ живота сладостными спазмами. Я знаю, каким страстным он может быть. Мне не нужно ощущать постепенный прилив волнующего тепла, меня сразу накрывает возбуждением, и я тотчас свожу бёдра вместе, пытаюсь унять в промежности нарастающую приятную пульсацию.

– Нельзя, малыш... – шепчет, приклонив лоб к моему виску. Едва уловимый тяжёлый вздох. За ним следует целомудренный поцелуй. Дима с лёгкостью выдергивает из плена палец и отстраняется.

Его тихая усмешка приводит меня в лёгкое замешательство, а грудной голос проникает в каждую клеточку моего тела, очаровывая, лаская слух:

– Настюш, я принёс тебе сладкое, чтобы повысить уровень эндорфинов. Рафаэлку хочешь, любимая?

– Романтические конфетки? – улыбаюсь, распахивая ресницы и тотчас попадая в плен серебристых, очарованных мною глаз с мельчайшими каштановыми точечками. – Ты прирождённый стратег. Ну давай уже, подлизывайся, раз принёс...

Глава 5

Когда слова не нужны

Дмитрий

«Любите молча, и вам не придется постоянно говорить о любви, ведь вы показали своей второй половинке нечто большее...»

Пропускаю мимо ушей её маленькую иронию, поднося к её рту белоснежный шарик. Ася соблазнительно откусывает половину конфеты, сексуально слизывая с губ кокосовую стружку. Чтобы добиться от неё взаимности, мне не нужно подлизываться. Она прекрасно знает это. Стоит лишь скрестить наши взгляды, и всё! Мы оба пропали... Оба!

– Не могу тобой надыхаться... – слышу свой хриплый голос, словно приглушённый туманом. Её взгляд накрывает меня чувственной, сине-серой волной, поглощает целиком. Захлёбываюсь в нём и уже не принадлежу себе в этот момент, погружаюсь в омут её трепетной женственности, растворяюсь в ней, подставляя своё сердце под удар. Хочу любить молча. Тактильно... Сейчас слова будут лишними. Они не нужны, чтобы затронуть душу человека за живое. Чувства лучше доносить друг другу с помощью языка тела. Хочу, чтобы Ася знала, какая она особенная, единственная желанная женщина для меня.

– Давай начнём всё с чистого листа? – размазываю плавным движением крем по алым губам, наслаждаясь танцем её языка. Скармливаю остатки конфеты. – Будем любить друг друга, не думая ни о чём, жить настоящим. Каждый день, как последний прожить, чтобы не было возможности жалеть и строить планы на будущее. Просто будь рядом, малыш. Дыши мной, как я дышу тобой. Живи... Наслаждайся... Было слишком много народу вокруг нас. Признаю: ревность затмила разум, сделала слепыми. Если не научимся доверять, ничего у нас не выйдет, маленькая. Мы снова попадём в ловушку разрушающих чувств.

Пальцы ныряют в корни её волос на виске, зачесывают на макушку влажные пряди, приподнимая их, открывая вид на жилку, ускоряющую пульс. В очередной раз утыкаюсь в неё носом. Пьянящий запах кожи провоцирует лёгкое беспамятство.

– Дим?

– М?

Её плен настолько велик, что я не в силах вымолвить ни слова, голос больше напоминает стон.

– Ты должен решить вопрос с Ильей. Пока не оформишь усыновление и не добьёшься на него прав, чтобы периодически видеться с сыном без присутствия матери, мы не сможем строить будущее. Все недосказанности будут нас разъедать, разрушать даже самую сильную химию между нами. Ты снова загонишь себя в тупик. Я тебе верю. В твою любовь ко мне верю, в твои искренние поступки. Я не хочу о них забывать и начинать с чистого листа! Не хочу, чтобы ты страдал. Не могу допустить, чтобы дети страдали. Выбирая меня – ты не должен отдаляться от сына. Единственное, о чём прошу – больше не подведи, не уничтожь моё доверие, сейчас оно настолько хрупкое и ранимое, что второго раза не вынесет. Второго раза просто не будет, Дим. Поэтому я даю тебе возможность определиться именно сейчас, в эту секунду, и если в твоём сердце есть хоть капля сомнения – лучше уйди... либо останься, но только всецело моим. Не хочу тебя делить ни с кем.

– Ася, мне не нужно определяться, я давно выбрал свою женщину и не отступлю от неё. Я давно безраздельно твой. Только твой, слышишь? С той самой поры, когда мои руки ласкали твоё тело, снимая с бархатной кожи осколки стекла, когда губы впервые касались твоих и я дышал одним с тобой воздухом и понимал, что не смогу отпустить из объятий дерзкую и

непокорную шкодницу. В тот вечер ты слишком глубоко проникла под кожу, заставила меня переосмыслить всю мою жизнь, которой я жил до тебя.

Делаю последний «шаг» – закрываю глаза и преодолеваю то крошечное расстояние, что разделяет наши губы, впииваюсь в них с такой нежностью, от которой в теле дрожит каждый натянутый нерв, зашкаливает удовольствие и заставляет разум плавиться под натиском мощнейшего возбуждения.

* * *

– Ммм... – неохотно вызволяю свою губу из плена жемчужных зубов. – Хватит, малыш. Мы можем зайти слишком далеко. Нужно остановиться.

– Не хватит, Воронцов, – впервые за долгое время на губах Аси расцветает игривая улыбка, в глазах вспыхивают порочные огоньки, а мягкий язычок, дразнясь, вальяжно проходит по моей укушенной губе, лаская и обжигая её ещё больше. Моему счастью нет предела.

– Черррт, маленькая, ты... – поясницу обдаёт жаром, затем и сам копчик, и всё, что ниже него. Непроизвольно сжимаю ягодички, безрезультатно пытаюсь сдержать струящийся ток в направлении корня, где давно всё напряглось и превратилось в камень, пульсирует, распирая болезненным давлением ствол. – Ты мой сладкий грех... – кайфуя, провожу кончиком носа по её лицу.

– Не нужно было так горячо целовать, – проникновенный шёпот у виска ложится на кожу мурашками. Тонкие пальчики зарываются в мои волосы. Голову на макушке приятно обжигает. Острое удовольствие заставляет на секунду прикрыть глаза.

– Ты сам разжег во мне желание. Как прикажешь остановиться, если я уже завелась?

Виноват. Как и всегда, поддался её очарованию. Мой тяжелый и обречённый вздох разбивает тишину. Стою перед ней на коленях, нос к носу. Одной рукой опираясь на ванну, держу наполненную хрустальную вазу с развернутыми конфетами, другой играю её волосами на затылке. Мне до сих пор не верится в происходящее.

– Не вынуждай меня завтра проклинать себя за порыв, – чертыхаюсь, сжимая в кулаке мокрые сосульки волос, – если только...

– Не «лечи» меня сейчас, Дим, не стоит! Хотя бы раз сделай так, как мне хочется. Тебе не за что будет себя проклинать, потому что я сама приняла такое решение.

Не отрывая взгляда от её посоловевших глаз, уточняю, отставляя на пол сладости.

– Уверена, что хочешь этого?

– Хочу... Понимаю, что нельзя, но очень хочу, – словно в лихорадке льнёт ко мне, прижимается плотно к телу, вся мокрая, дрожащая и ранимая. Обнимаю за хрупкие плечи, согревая. Встаю на ноги, вытаскивая Асю из остывшей воды.

– Мне это нужно, Дим... Больше жизни нужно почувствовать себя любимой. Вытащи меня из руин болтовни в жаркие эмоции. Больше не хочу слов. Слышишь? Только твою нежность и заботу. Мне необходимо сгорать в твоих руках, чтобы квартира пахла нашим сексом. Чтобы твоё тело принадлежало только мне. Хочу оголить наши души и любить друг друга до хруста в костях, хочу сорвать голос на хрип, хочу стыдиться утром того, как ночью нам было хорошо...

Её крайность меня настораживает настолько сильно, что я теряюсь на какое-то время, видя, как её глаза становятся мокрыми от слёз. Блять! Что это? Шок? Приступ ревности? Способ выплеснуть наружу всю накопившуюся боль? Несколько минут назад я сам этого хотел, а сейчас не могу принять верное решение.

– Асенька, прекрати! Ты меня сейчас раздираешь на мелкие куски. У нас с тобой вся жизнь впереди. И эта не последняя наша совместная ночь. Скажи, что это истерика. Успокой меня.

Срываю с дрожащего тела мокрую футболку и швыряю на пол. Пальцы меня не слушают. Смахиваю с её щёк капельки слёз, следом покрывая поцелуями лицо. Застёжка бюстгалтера поддаётся не сразу, но я справляюсь и с ней, отбрасывая ещё одну мокрую деталь на пол.

– Дальше орального секса мы с тобой не зайдём! – даю себе твёрдую клятву, чертя на её теле волнистые линии пальцами, начиная от шеи, затрагивая грудь и острые соски, следуя к пупку. Ася резко втягивает воздух, как только я цепляю резинку трусиков по бокам живота. Нахрен все! Я мечтал об этом каждую секунду с тех пор, как она закрылась от меня, как оттолкнула! Одним рывком превращаю тонкое кружево в лоскуты, оголяя её полностью для себя, при этом теряя рассудок от вида обнаженной желанной женщины.

Глава 6

Наше безумно сладкое перемирие

Ася

Не знаю, что на меня нашло. Утонула в мягком, с чарующей поволокой взгляде. В его глазах сокрыта какая-то таинственная сила с которой трудно бороться. Гипнотический натиск невозможно купировать. Захлебнулась чувствами, не имея другой альтернативы. Забота Дмитрия растопила корку льда в какой-то части меня. Заставила оголить душу заново. Вытащила слёзы наружу. Возникла острая необходимость в сексе, в его нежности, в любви. Страх, что этот момент больше не повторится никогда, спровоцировал всплеск адреналина и слишком сильное возбуждение, разогнал по венам огонь с такой скоростью, что казалось, они вот-вот лопнут, сгорят к чертовой матери. Я словно слетела с катушек. Отмела все здравые мысли прочь, потому что внутренности мощно скрутило вожделением, да так, что я была готова продать душу за одну недозволенную ночь с любимым мужчиной.

Треск белья обжог кожу бёдер и привёл меня в чувство, но Дима не дал окончательно опомниться, завернул на мне полотенце и впился в губы, словно голодный зверь.

Прижимаюсь к нему, ощущая жар его тела и каменную эрекцию. Распаляющий поцелуй будто вихрем поднимает во мне все внутренности к груди, создавая эффект порхающих бабочек, заставляет тело дрожать, выгибаться под нежными и тёплыми ладонями.

– Моя маленькая глупышка... – улавливаю на задворках сознания хриплый стон мужчины. Легкий укус за губу вперемежку с несдержанным шипением приводит меня в состояние иступления, размякаю и тут же взлетаю в воздух на его сильных руках.

Дима покидает ванную и бережно несёт меня куда-то к выходу через залитую приглушённым светом спальню. Тишину комнаты нарушает спокойное, посапывающее дыхание Сашки. Облегчённо вздыхаю, прижимаясь к груди любимого. Смыкаю на короткое время веки, вдыхая запредельный аромат его шеи и плыву, погружаясь в сладостное марево, улавливая звук тихо закрывающейся за нами двери. Здесь не слишком темно. Яркий лунный свет проникает сквозь огромные окна, освещая ещё одну в этой квартире широкую двухспальную кровать под белым, стёганным покрывалом. Опустив меня на мягкую поверхность, Дмитрий слегка отстраняется, распахивает полотенце и даёт волю своим рукам, вырывая из моей груди громкий всхлип. Оглядываясь назад, я с изумлением понимаю: какой же я действительно была глупой...

Дмитрий

Разжимаю ладони, отпуская потяжелевшую грудь, которая только что помещалась в каждой из них полностью. Ася слишком остро реагирует на прикосновение к соскам, в них сосредоточилась вся её чувствительность. Каждое, даже самое невинное касание отзывается дрожью в её теле и тихим сдавленным стоном удовольствия, от которого у меня сводит внутренности сладкой истомой. Едва сдерживаю себя, чтобы не наброситься на неё с растущим и воющим во мне голодом. Хочу прижать к себе свою женщину и никогда не разжимать объятий, дышать ею, наслаждаться её близостью. Для меня настал тот момент, когда со страстью приходит ощущение эмоциональной привязанности. Ася влилась в каждую мою клеточку и засела там настолько плотно, что уже ничем не вытравишь, даже ненавистью.

– Чего же ты ждёшь? – задыхаясь от переизбытка чувств, шепчет в ночной тишине. – Твоя одежда промокла насквозь, снимай её, Дим, иди ко мне. Не дразнись, достаточно испытывать свою выдержку. Моя давно кончилась.

– У нас вся ночь впереди... – затаив дыхание, кончиками пальцев скольжу по контуру её красивого лица, следуя по изгибу шеи, обрисовывая танцующую жилку на ней, затем острые

ключицы... худенькие плечи. Ася вздрагивает от щекотки. Возвращаю ладонь обратно к шее, пальцами массируя чувствительные точки. Горячая кровь струится под бархатной кожей. Её пульсация эхом откликается во мне, проходя сквозь рецепторы на руке. Будоражит. Заводит. Разгоняет в голове движение мыслей. Стоит лишь представить её раскрытую передо мной, и меня начинает рвать на куски острым желанием пройтись языком по мягким розовым складкам, толкнуться им в тёплое, влажное лоно и насладиться пьянящим вкусом возбужденного женского естества.

– Сашка может проснуться. Пожалуйста, не тяни время, – хнычет и следом вспыхивает: – Черт! Воронцов, я сейчас передумаю и оставлю тебя здесь одного репетировать монолог Гамлета.

Губы несдержанно расплываются в улыбке, поражаюсь тому, как резко она поменялась.

* * *

Отстраняюсь и отхожу к изножью кровати, не отрывая взгляда от распластавшегося на ней стройного тела. Ленивым и в то же время уверенным движением снимаю с себя футболку, бросая на пол. Неспешно тянусь пальцами к пряжке ремня, внимательно следя за тем, как Ася, окутанная лунным светом, нетерпеливо сводит колени вместе, сжимая пальчики на ногах. Тихое звяканье фурнитуры смешивается с моим прерывистым дыханием и шорохом постельного белья под женскими ладошками и ступнями. Избавляюсь от джинсов и носков, выравниваюсь в полный рост, достаю из шкафчика оливковое масло для массажа и медленной поступью подхожу к краю матраца, испытывая нашу близость словно впервые. Я бы всё отдал, чтобы снова окупнуться в те головокружительные ощущения, что у нас были.

– Боксеры тоже снимай, Воронцов... хочу наслаждаться твоим шикарным телом, – хриплый голос Аси, проникая под кожу, поднимает на ней каждый волосок, затрагивая нервные узелки. Смотрю, как она порочно разводит ноги в стороны, призывно покачивая бёдрами, и едва не теряю контроль над собой. Горящие и жаждущие глаза не дают покоя моему телу, а душу так вовсе прожигают насквозь. Избавиться от последней преграды – значит подписать себе смертный приговор, но желание прикоснуться к ней каждой клеточкой своего тела толкает меня на безумство и я беспрекословно подчиняюсь её воле.

Ася приподнимается на локтях, прожигая взглядом зону паха. Моё тело горит адским огнём, так хочется ощутить её влажный язык на себе, особенно здесь... на члене, где всё пульсирует и пылает мучительным пламенем... Прикрываю на секунду глаза, сжимая рукой раскалённую головку. С губ срывается приглушённый стон. Пульсация эхом проходит по венам, выколачивая сумасшедший ритм в висках. Неспешным поглаживанием пытаюсь успокоить натиск крови в жилках, но безрезультатно, я хочу большего, чем свою ладонь. Забираюсь на кровать и становлюсь на колени между её раскинутых ног, с похотью наблюдая за тем, как её пальчик соблазнительно кружит по плоскому животу вокруг пупка. Твою же мать! Я теряюсь в желаниях, не зная, чего больше хочу: ласкать её разгоряченное тело собственными руками, или же наслаждаться игрой её робких пальцев с «кнопочками», на которые я сам укажу.

– Ниже... – раздаётся мой сдавленный приказ. Судорожный вдох впускает в легкие густой и пьянящий аромат её возбуждённого тела, смешанный с запахом феромонов, миндаля и ванильных сладостей. Слежу за тонкой застывшей кистью любимой девочки. – Прикоснись к себе, Ася... Покажи мне, как ты это делала раньше.

– Что ты задумал? – облизывая губы, обращает внимание на бутылочку в моих руках.

– Закрой глаза и расслабься, – шепчу ей, открывая крышку флакона. Ася покорно откидывается на подушки, предвкушая удовольствие, ёрзает попой. – Сегодня только твой вечер, я хочу, чтобы он тебе запомнился, – наливаю небольшое количество масла на её дрожащий живот и гладко выбритый лобок.

– Дим... – стонет с мольбой в голосе, учащённым дыханием вздымая кверху грудь. – Я сгорю от стыда... я так не привыкла... вернее, никогда этого не делала.

– У тебя появился шанс многому научиться со мной. Маленькая, стыдиться будешь утром, а сейчас выполняй. Опusti пальцы на клитор.

– Боже... – едва слышно шепчет и несмело кладёт руку на живот, касаясь кончиками пальцев налитого на шелковистую кожу масла. – Я не рассчитывала на такое откровенное шоу! Ты бессовестный манипулятор.

– Ммм... кто бы говорил... – с грудным урчанием тонкой струйкой добавляю ещё масла ей на грудь, увлажняя упругие холмики, закрываю флакон и отставляю его в сторону, затем развожу её ноги шире и позволяю действовать самостоятельно, отстраняясь. Смущение волнами приливает к её лицу, вынуждая щёки покрываться румянцем, это не так заметно в сумерках, как чувствуется по её поведению и сбивчивому дыханию.

– Ты слишком соблазнительная в этой позе, такая открытая и вся моя! Только моя! – с упоением разглядываю её тело. – Если бы ты знала, какое наслаждение получает от этого мужчина, не стала бы сдерживать себя. Не зажимайся. Просто сделай то, о чём прошу. Ласкай себя, Ася, я хочу раскрыть для тебя новые грани удовольствия! – мягко, чтобы не испугнуть, но настойчиво уговариваю её.

Преодолевая смущение, выдыхает и позволяет мышцам расслабиться. Ладонь соприкасается с влажным пятном, медленными круговыми движениями распределяет масло по животу. Боюсь, что долго не выдержу эту пытку и сам закончу начатое.

– Клитор, Ася! – ее рука вздрагивает и начинает спускаться вниз, рисуя масляную дорожку к заветной цели. Нежное скольжение пальцев по лобку разжигает во мне дикий и неконтролируемый голод. Откровенно и бесстыдно поглаживая себя по члену, хочу её до безумия вот такую: покорную, пошлую и в то же время чувственную, свою грешную девочку с томным взглядом, пылающим похотью из полуопущенных ресниц. Как же она жаждет большего. Блять! Я бы дал ей то, чего она хочет, но ради её же блага, не могу позволить обоим сорваться в пропасть. Сдавливая ладонь на раскалённой головке, в порыве унять бешеную пульсацию смешанную с накалом боли, втягиваю воздух, ощущая, как жжет от него мои пазухи. Челюсти давно плотно сжаты. Не могу расслабиться. Не сейчас, Дим. Терпи! Сегодня только горячая прелюдия, и если то, чем мы на данный момент безумно поглощены, считается грехом – гореть нам обоим в аду за такой блаженный миг удовольствия.

Низкое мычание Аси буквально оглушает меня, когда кончики её пальцев плавно очерчивают половые губы, затрагивая бахрому розовой плоти. Средний палец слегка надавливает на клитор и снова опускается вдоль промежности, скользя между влажных складочек. Спина изящно выгибается в экстазе, а манящий рот приоткрывается в сладкой истоме, выдыхая упительный стон. Твою же мать! Как от всего этого штырит! Скрючивает, как наркомана по очередной дозе кайфа. Меня потряхивает предоргазменная дрожь. Задыхаюсь на пару с ней от нахлынувших чувств, которые беспощадно рвут на части, захлестывают с головой до умопомрачения. Облизываю пересохшие губы и рвано хриплю:

– Вращай пальчиком по кругу, Ася...

Белоснежные зубки впиваются в краешек губы, тонкие пальчики принимаются кружить вокруг чувствительной жемчужины. Женское тело под протяжный стон вздрагивает и выгибается, словно от разряда тока, дрожит. Зрелище ещё то! Уничтожает напрочь терпение.

– Быстрее! – ускоряюсь сам, глухо рыча, истязая себя рукой и упиваясь её реакцией на мой голос. Асин вскрик на мгновение отрезвляет меня. Вовремя замираю, чтобы не взорваться на её живот. Глубокие рваные вдохи ни хрена не помогают успокоиться. Я, словно безумец, хочу наслаждаться её порочным видом, дыханием, движением тела, голосом.

– Погрузи палец в лоно, маленькая! – хрипя, перевожу дыхание вместе с ней. – Неглубоко. Войди в себя пальчиком.

Ася послушно подчиняется, погружая в себя средний фаланг, её узкое влагище принимает палец, туго сжимаясь вокруг него. Резкий выдох и встречное плавное движение бёдер завораживает. Ещё одно. И ещё... Её тело, охваченное нереальным возбуждением, сгорает в томительной агонии. Осознание того, что я, скользя ладонью по налитому кровью члену, наблюдаю за каждым её движением, приводит девочку в неопишуемое иступление, которое слетает с уст восхитительными стонами. Ася срывается под всхлип и ускоряет темп, лаская себя изнутри. В восторге приоткрывает рот и давится стоном, до хруста в костяшках сжимая свободной рукой простыню. Видя, что она на грани, перехватываю тонкое запястье и отстраняю его, заводя её руку за голову. Нависаю над ней, касаясь тела Насти своим.

– Дим... – задыхаясь, хнычет в ответ на мои действия. – Я же почти...

– Дальше я сам, любимая... – уверенно шепчу ей на ушко, прикусывая жилку на влажной от пота шее. – Позволь мне завершить начатое.

Ася

Мне никогда не было так хорошо как сейчас, в эту самую минуту. Нет в мире ничего приятнее и волнительнее, чем плавиться и сгорать, словно свеча, в чувственных и в то же время крепких мужских объятиях под пристальным и пылающим взглядом любимого человека.

– Боже мой, Ася, моя дикая Ася... – разливается бархатный голос Дмитрия в ночной тишине, обволакивая рассудок и тело пьянящей истомой. – Если бы ты только знала, что вытворишь с моим сердцем и душой... непослушная девочка...

Зубы под глухое рычание нежно вгрызаются в сонную артерию, зажимая её, доводят меня до дрожи на ряду с влажным, скольльзящим по коже языком. Жаркое дыхание Димы медленно опалает линию шеи вплоть до острой ключицы. Мгновение, и мягкие губы оставляют на косточке свою печать: одну, вторую, третью... их не счесть. Поцелуи, словно огненные вспышки, разгораются на теле в разных местах.

– Маленькая, как же я соскучился по ним, – горячий язык касается чувствительного затвердевшего соска и я вздрагиваю, выгибаясь под ним, шумно дыша и подставляя для ласки изнывающую грудь. Укус сомкнувшихся на тугой бусине зубов вырывает из моего горла сладостный вскрик, обжигает нежную кожу, запускает под ней острую пульсацию.

– О, Боже! – задыхаюсь, наслаждаясь болезненным жжением и прохладой от дуновения воздуха. – С ума сойти, как приятно быть во власти твоих опытных рук. Долго терпеть такую мучительную пытку я не смогу. Сделай что-нибудь или убей меня.

Димка тихо смеётся, обтирая свои губы, испачканные маслом, об мою щёку.

– Сначала массаж, – нежно прикусывает мочку уха, возвращая мне блестящий испытывающий взгляд, – затем мы кое-что попробуем, не прибегая к сексу. Тебе ещё рано, Ася. Я не хочу пренебрегать советами врачей.

– Дим... пожалуйста, продолжай... – шёпотом на выдохе молю, скользя руками между его лопаток вдоль позвоночника к крестцу, ощущая, как мужское тело превращается в камень, как мышцы его спины упругими бугорками вибрируют под моими ладонями, и как, опуская ниже свой таз, он упирается краем разгоряченной головки в мою набухшую и пульсирующую плоть. Нас обоих прошибает током, срывая из уст протяжные, приглушённые стоны.

– Моя горячая девочка, – шепчет мне в губы, бережно, но так по-собственнически сжимая ладонью потяжелевшую, скользкую от масла грудь, – ты вся мокрая, моя хорошая... такая податливая и нежная. Как же я рад, что ты вернулась ко мне, Асенька. Я безумно ждал этого часа.

С удовлетворённым стоном Дима накрывает мои губы своими, проникая головкой члена между налитых кровью складочек, замирает во мне, вбирая поцелуем мой охрипший голос с мольбой, углубляя сладкую пытку до умопомрачения, плавно исследуя небо языком, скользя по чувствительным точкам, вынуждает в иступлении извиваться под натиском его ласк. Не в

силах сдержаться, подаюсь вниз, опуская ладони на твёрдые ягодицы, хватаясь за них руками, пытаюсь насадиться на член ещё сильнее, ещё глубже. Хочу почувствовать своего мужчину в себе полностью, вжать в себя до самого упора, погасить жажду слишком сильного возбуждения, но этот чертов безумец, словно вылитый из прочной стали, не поддаётся мне! От нестерпимого желания хнычу ему в рот, на мгновение смыкая зубы на его языке, в безрезультатной попытке своей глубиной захватить то, что давно моё по праву! Только моё! Этот мужчина принадлежит мне!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.